

БАГРОВАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

ЭТОТ ПОЖАР ТУШИЛИ КРОВЬЮ

СЕРГЕЙ КОЛЬЦОВ

Сергей Петрович Кольцов

Багровая параллель

Серия «Боевая хроника.
Романы о памятных боях»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68291683

Багровая параллель: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-174999-6

Аннотация

На основе реальных событий.

Начало пятидесятых. В самом разгаре война в Корее. На стороне КНДР воюет офицер спецназа Виктор Черкасов. Прошедший огонь Великой Отечественной, он и в новых условиях успешно сражается с противником. Именно Черкасов первым вычисляет, как вражеским диверсантам удалось своевременно и бесшумно ликвидировать расчет советской береговой радиолокационной станции, чтобы та не засекала армаду надвигающихся американских бомбардировщиков. Опытный разведчик принимает брошенный ему вызов, понимая, какая серьезная схватка предстоит его боевому подразделению...

Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги солдат и командиров – война, как

она есть на самом деле. Подлинность событий нашей недавней истории.

Содержание

Введение	6
Глава первая	8
Глава вторая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сергей Петрович Кольцов

Багровая параллель

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Кольцов С. П., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Введение

Читателю, привыкшему с начала перестройки к разоблачению кровавых преступлений Лаврентия Берии и его подручных, читать повесть будет явно непривычно.

Министр пропаганды Третьего рейха не зря говорил: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят». А Геббельс хорошо знал свое дело.

Наше общество привычно обвиняет Берию и его команду в кровавых репрессиях 1937–1938 гг. Только вот незадача, Лаврентий Павлович был назначен наркомом НКВД в 1939 году и, как «истинный палач», начал с широкой амнистии. Но кто сейчас об этом знает?

Еще один шаг «палача и убийцы» – воссоздание разгромленной Ежовым разведки. В том числе создание первого в нашей стране соединения специального назначения. Военные историки, по политическим мотивам, упорно приписывают создание таких частей маршалу Жукову, который сделал это уже после войны.

Ангелом Лаврентий Павлович, конечно, не был. Но наша многострадальная страна сохранила независимость, и народы России еще живы потому, что атомный проект возглавлял маршал Берия, а его подчиненные обеспечили сохранность необходимой тайны и были готовы пожертвовать жизнью для недопущения ядерного удара по СССР.

Эта повесть – дань памяти бойцам соединений и воинских частей НКВД. Об их инструкторах и духовных наставниках – оренбургских казаках, прошедших Первую мировую в отрядах особой важности.

Все боевые эпизоды и факты, описанные в книге, происходили в реальности. Будь то события Великой Отечественной или войны в Корее.

Глава первая

Встреча в тумане

*Оренбургским казакам-пластунам Первой
мировой и их последователям Великой
Отечественной посвящается*

Я стоял на палубе катера, левой рукой опираясь на ребристый ствол ДШК¹. Соленые брызги то и дело попадали мне в лицо. Приходилось отплевываться. Я взглянул на черное небо. Здесь, на юге, совсем другое небо, да и белых ночей нет. Звезды светят более ярко, а темнота кажется чернее. Хорошо виден ковш Большой Медведицы. «Ручка ковша сверху за моим правым плечом – значит, мы идем на юг. Точнее, на юго-запад. Половинка луны осталась у нас за кормой. Уже скоро нам надо будет готовиться к высадке».

Нам – это разведгруппе отряда водолазов-разведчиков особой бригады НКВД². Я командир этой группы лейтенант

¹ ДШК – 12,7-мм крупнокалиберный пулемет.

² Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР. Первое в нашей истории соединение специального назначения. Базировалась в Москве и Подмосковье. В описываемый период, после апреля 1943 года, когда НКВД был разделен на собственно НКВД и НКГБ, соединение было переформировано в Отряд особого назначения НКГБ. Подразделение водолазов-минеров в НКВД изначально создавалось для диверсий на внутренних водоемах (реках, озерах, водохранилищах) оккупированной части СССР в отличие от подобных подраз-

Виктор Черкасов. Кроме меня, еще два разведчика: белорус старшина Саша Пинкевич и испанец Луис Вилар. Родители и сестра Луиса погибли от рук фашистов, а его, двенадцатилетнего, вместе с другими детьми эвакуировали в Союз. Вырос он в детском доме в Иванове.

Мы уже давно служим вместе. До этого наше подразделение работало на Ладоге и Онеге. Здесь это наш первый разведывод.

Командир катера, мичман Терещенко, зовет нас с оттенком снисходительности – «москвичи». Эти три недели после прибытия в разведотряд штаба Черноморского флота мы общаемся в основном с бывшими роновцами³, с кем вместе приходилось работать на Ладоге. Их перевели сюда за месяц до освобождения Одессы. Из черноморцев я близко сошелся только с Григорием Поженяном, тоже командиром группы.

И формой мы от моряков отличаемся. Мы-то из другого ведомства, поэтому носим обычную пехотную форму. Морские у нас только тельняшки и «штат» морской пехоты с якорем на рукаве гимнастерки. На моей голове выцветшая, почти белая пилотка. А флотские разведчики на базе ходят в красивой морской форме. У офицеров и старшин шикарные морские фуражки с «крабом». Предмет моей тихой зависти.

Кстати, о форме. Сейчас на задание мы одеты в эсэсов-
делений ВМФ. Самая известная операция (в узких кругах) – подрыв моста через Днепр.

³ Рота особого назначения разведотдела штаба Балтийского флота, первое в нашей истории подразделение водолазов-разведчиков.

ский мелко-пятнистый камуфляж. На моей голове – серое горное кепи. Над козырьком – эсэсовский череп с костями, а сбоку приколот «Эдельвейс» – знак немецких горных частей. Под камуфлированной курткой китель с черными петлицами. На правой петлице – молнии, на левой – знаки различия унтерштурмфюрера. Пятнистые брюки заправлены в гетры. Обуты мы все в немецкие горные ботинки. У ребят камуфлированные куртки, без каких-либо знаков различия, одеты поверх горных свитеров. Немцы тоже частенько нарушают форму одежды. Так одеты в боевых частях горнострелковой дивизии СС «Норд». В Карелии нам приходилось работать и в ее тылах.

Мы все примерно одного роста – невысокие. У Пинкевича рыжеватые волосы, голубые глаза и лицо, усеянное веснушками. А мы с Луисом похожи. У обоих черные волосы и дочерна загорелые лица. Наше оружие, как и форма, тоже немецкое. У меня и Луиса «штурмгеверы»⁴, но у Сани его любимая «треха»⁵ с оптическим прицелом. Еще у меня на животе кобура от немецкого «парабеллума», но в ней родной «наган». Он у меня с «Брамитом»⁶. У каждого на ноге закреплен десантный нож. У меня на обеих голених прихва-

⁴ «Штурмгевер» – штурмовая винтовка (автомат) StG-44. Отдаленно похож на автомат Калашникова.

⁵ «Треха» (жарг.) – трехлинейная винтовка с прицелом ПЕ.

⁶ «Брамит» – прибор бесшумной и беспламенной стрельбы. Применялся с 1941 г.

чены ремешками под брезентовыми гетрами два ножа. Наш груз уложен в немецкие горные рюкзаки, к каждому приторочен «Фаустпатрон»⁷. Груз в рюкзаках и «фауст» не для нас. Нам на этом задании шуметь вообще не нужно.

Катер быстро идет темно-серой тенью, рассекая волны. Скорость около сорока узлов⁸. От нашей базы до места высадки около ста двадцати миль. Плюс поправка на снос течением. Большая часть пути уже пройдена.

Рядом со мной стоит матрос-пулеметчик. Он смотрит вперед, держась за рукоятки ДШК. У него хорошее простое лицо. Из-под шлема выбивается прядь русских волос. Ему лет восемнадцать. По взглядам, которые он украдкой бросает на меня и мою немецкую форму, понятно, что на флоте он недавно и его первый бой, судя по всему, был неделю назад. Тогда катер, уже на подходе к базе, был атакован «мессером». Умело маневрируя, катер не подставился под пули врага. А огонь крупнокалиберного пулемета в конце концов заставил немецкий самолет отвалить. Тогда, после швартовки, санитарная машина увезла двоих раненых – сигнальщика и пулеметчика. А этот парень тогда был вторым номером. И сейчас экипаж пять человек вместо семи по штату.

Видя, что матрос пытается заговорить, отворачиваюсь. Не зря говорится, что все боевые уставы написаны кровью. По-

⁷ «Фаустпатрон» – немецкий одноразовый противотанковый гранатомет «Панцерфауст».

⁸ Узел – миля в час. Миля – 1,852 км.

этому и запрещено разведчикам общение с теми, кто обеспечивает их высадку. Но понимаю я его хорошо. Давно ли сам был таким?

Вспомнились события суточной давности.

Постановка задачи в кабинете начальника разведотдела штаба Черноморского флота. Но задачу нам ставил не флотский начальник, а представитель нашего управления⁹. Наша группа в четырнадцать человек хоть и прикомандирована к разведотряду флота, но задачи имеет свои. С флотскими разведчиками мы сейчас лишь взаимодействуем.

Начальник разведотдела подполковник Намгаладзе¹⁰ сидит и слушает. Хитро поблескивают его матово-черные глазки.

Задачу нам ставит наш непосредственный начальник – капитан второго ранга, отличный мужик и опытный боевой офицер. Ему около сорока, но он совершенно седой. Война застала его здесь, на Черном море, в морских частях погранвойск. При эвакуации морем у него под бомбами погибла вся семья. Его ценит и уважает сам генерал Судоплатов¹¹. В феврале сорок третьего, после возвращения с Кавказа, он отобрал нас с Пинкевичем в отряд подводных диверсантов.

⁹ 4-е (разведывательно-диверсионное) управление НКВД-НКГБ.

¹⁰ Подполковник Дмитрий Багратионович Намгаладзе.

¹¹ Павел Николаевич Судоплатов – легендарный советский разведчик. В годы войны начальник 4-го управления НКВД-НКГБ.

Луис и еще несколько испанцев пришли из отряда «Гвадалахара»¹².

Помню занятия на Химкинском водохранилище, куда мы приехали уже после тренировок в бассейне.

Помню, как он разбудил меня ночью:

– Старшина, доложите характеристики «ВИА-2»¹³.

Да, гонял он тогда нас здорово. Но те, кто не отсеялся и окончил обучение, научились безошибочно находить цель в мутной воде подмосковных водохранилищ.

– Смотри. – Кавторанг показывает на карту, висящую на стене. Карандаш играет в его тонких интеллигентных пальцах. – Идете на «каэмке»¹⁴. Двигатели на ней мощные, форсированные. Высаживаетесь в этом квадрате. – Карандаш указывает скалистое побережье на карте. – Румыны берег охраняют слабо, здесь по берегу километров семь сплошные скалы. РЛС¹⁵ и наблюдателей на этом участке нет, патрульные катера возле берега проходят в пять утра. Немцы – народ пунктуальный. До пяти успеваете. Экипаж на «каэмке» опытный. Командир катера мичман Терещенко этот район хорошо знает. До войны кефаль ловил. А Пинкевич на лю-

¹² Отряд «Гвадалахара» в ОМСБОН был сформирован из испанцев. В основном действовал на северо-западе против частей испанской дивизии.

¹³ Аппарат замкнутого цикла «ВИА-2» использовался в годы ВОВ.

¹⁴ Катер типа КМ. Длина – 13,9 м. Водоизмещение – 6,5 тонны. Благодаря малой осадке часто использовался для высадки разведывательных и диверсионных групп.

¹⁵ Радиолокационная станция.

бую скалу залезет.

Я киваю молча. Намгаладзе тоже молчит.

– Далее. – Карандаш кавторанга поднимается выше. – По тропе проходите вот сюда и закладываете схрон. От берега около десяти километров по прямой. – На карте вижу ориентир – одиночное дерево. Кавторанг продолжает: – После схрона¹⁶ идете до пересечения с грунтовкой¹⁷. Там должен ждать наш человек с важными документами. Он будет в форме капитана румынской армии. Катер вас подберет на следующую ночь после двух. Пароль для встречи, световые сигналы опознавания с катером и данные для радиосвязи получите перед выходом. В случае непредвиденных обстоятельств выходите на связь. Но только в этом случае. Пеленгаторная служба немцев ваш «Север»¹⁸ сразу засечет. Но это крайний случай. Вас подстрахует флотская разведка. Они уже работают в этом районе. Виктор, этот человек нам важен. – И, помолчав, добавляет: – Помнишь, как прошло все тогда на Ладоге?

Еще бы. Тогда, в октябре сорок третьего, я первый раз высаживался во главе группы. После этого я и получил звание младшего лейтенанта.

На озере уже начались осенние шторма, и финны нас явно

¹⁶ Заглубленный, замаскированный тайник для имущества и боеприпасов.

¹⁷ Грунтовая дорога.

¹⁸ Переносная радиостанция «Север» применялась разведгруппами.

не ждали. Высадившись со всплывшей «малютки»¹⁹, выгребая против ветра на надувной шлюпке, мы все-таки дошли до скал. Шлюпку спрятали в камнях, стравив воздух. Пинкевич поднялся и закрепил веревку. Мы с Луисом поднялись на «схватывающих» узлах. Подняли взрывчатку и, вытянув, замаскировали веревку. Финских наблюдателей обошли свободным лазанием. Стрелять тогда почти не пришлось. Только Саня из своей «трехи» с «Брамитом» снял часового на вышке и двух собак.

Когда на рассвете мы выгребали к ожидавшей нас подлодке, за спиной поднималось огромное зарево. Пылало огромное хранилище ГСМ. Немцы с финнами свезли горячее для подготовленной десантной операции по захвату острова Сухо. Остров с маяком находился ровно посреди Дороги жизни. Это была последняя попытка фашистов задушить Ленинград голодом.

Финским НП²⁰ при отходе я занимался сам. Здорово помог завывающий ветер. Со скалы я уходил последним, спускаясь самосбросом²¹. На скале остались тела трех заминированных финнов. Да, жестоко, но не мы пришли к ним жечь и убивать.

Мысли опять вернулись к заданию. Вроде бы все понятно.

¹⁹ Малая подводная лодка. Две подлодки применялись на Ладожском озере для высадки разведгрупп.

²⁰ НП – наблюдательный пост.

²¹ Самосброс – способ спуска, после которого вытягивается веревка.

Но на душе кошки скребут.

Эти дни, после прибытия, мы упорно тренировались. С утра до вечера изучали новый для нас ТВД²², гидрографию и прокладку курса в море. По картинкам учили форму одежды румынской армии, ТТХ и силуэты всех этих «раумботов» и «шнельботов». Голова пухнет. Эти занятия с нами проводит старший лейтенант Поженян²³. В отряде Григорий с лета сорок первого, начинал матросом.

Потом на скале ракушечника отрабатываем скалолазание. Занятие проводит мой заместитель, старшина Пинкевич. Вообще в нашей бригаде жесткий принцип – если что умеешь делать лучше других, то и проводишь занятия. Твое звание здесь неважно. От меня, кстати, Саня требует больше других. Никакого чинопочитания.

Потом уже командую я. На морском берегу стреляем по прыгающим на волнах мишеням со сменой позиции. Уже после обеда провожу занятия по ближнему бою, работе с холодным оружием. Это два с половиной – три часа.

Три дня назад ко мне вечером подошел матрос. Днем он обеспечивал стрельбы и видел наши следующие занятия.

Его лицо было обожжено с левой стороны, кожа там выделялась неестественной бледностью. Правая часть лица была нормально загоревшей.

²² ТВД – театр военных действий.

²³ Григорий Поженян – известный советский поэт. В 1941–1946 гг. служил в разведке Черноморского флота.

– Товарищ лейтенант, вы знали главстаршину Туебаева? Он нас точно так же учил.

У меня сжало сердце. С Кайратом мы простились первого декабря сорок первого года на Казанском вокзале Москвы.

От этого матроса я узнал подробности смерти друга.

Наши письма друг другу редко доходили, а Айжан мне не писала, что пришла похоронка²⁴.

Дело было так.

Группа разведотряда Северного флота, где Кайрат служил заместителем командира взвода, должна была высадиться с двух торпедных катеров на норвежское побережье в районе Киркинеса. Как назло, в порт Киркинес шли эсминец и тральщик кригсмарине²⁵. Немцы сразу открыли огонь, а в небе зависли осветительные ракеты. Катер, на котором находился Кайрат, отвернул в сторону, выбрасывая за собой дымовую завесу, но снаряд, попавший в корму катера, разбил трубу, по которой подавалась кислотная смесь дымового облака. Осколками тяжело ранило наводчика зенитного автомата. Кислотную смесь завихрениями воздуха стало затягивать в ахтерпик, а там, при открытом люке, сидели разведчики. На них и полилась кислота.

– Главстаршина на палубу выскочил, раненого в люк успел подать. Тут рядом с катером снаряд с эсминца разорвался.

²⁴ Письменное извещение семье военнослужащего о гибели их родственника в ходе боевых действий (на войне).

²⁵ Военно-морские силы Германии в годы Второй мировой войны.

Его взрывной волной в море и сбросило.

Я знал, что в воде Баренцева моря человек живет несколько минут – сводит мышцы. Если только Кайрат не погиб сразу от осколков.

– А мне тогда лицо обожгло, кожа лоскутами слезала, – продолжал матрос. – Полгода в госпитале, потом на Черное море перевели. Лицо теперь холод не переносит. Это еще ничего, а одному парню глаза выжгло, – помолчав, добавил он.

Да, наша работа романтична только в кино. А вот учитель у нас с Кайратом был один.

Катер вошел в полосу тумана и сбросил ход. Берег уже близко. Я нырнул в люк:

– Группа, подъем! Пятиминутная готовность, – и поднялся в рубку.

Мы вышли из тумана, когда за кормой уже поднимался красный диск солнца. Был виден берег.

И вдруг прямо по курсу, где-то в километре, появились две большие темные точки. Еще минута, и с этих точек, оказавшихся немецкими катерами, в нашу сторону понеслись светлячки трассирующих пуль и снарядов.

Пулеметчик завалился на палубу рядом с Пинкевичем. Еще очередь, и задело рубку. Нас с Терещенко пронесло, но рулевого отбросило к переборке. Мичман не растерялся, перехватил штурвал и развернул «каэмку».

Вытаскивая рулевого, я ощутил, как затряслась под ногами палуба – наш катер выжимал из двигателей все, что мож-

но. Задело и пулеметчика. Им занялись разведчики.

Из люка показался Пинкевич:

– Раненого Луис перевязывает. В грудь его, кажется, легкое задето.

Опираясь на рубку, смотрю в бинокль.

Началась погоня.

– Сань, выдай целеуказание. – Я протянул ему бинокль.

Пинкевич на мгновение подносит его к глазам:

– Скорость где-то сорок узлов. Торпедные катера типа S-26. Вооружены солидно – носовая автоматическая пушка «Бофорс» сорок миллиметров, два пулемета MG-34 по бортам и на корме зенитка «Эрликон». Два торпедных аппарата, ну, это не по нашу душу.

– Немцы эти катера зовут «шнельботы» – быстроходные. Вообще, «шнельбот» – катер очень устойчивый, качку держит отлично. Поэтому и бьют по нам так кучно. База у них в Констанце.

Как бы в подтверждение этих слов рядом с кормой поднялся водяной фонтан.

– Но скорость у нас на десяток узлов больше, так что шанс уйти есть.

– Витек, думаешь, ждали нас? – Пинкевич кричит в грохоте выстрелов и шуме моторов.

Ответить я не успеваю. В корме что-то заскрежетало, и «каэмку» повело вправо.

Мы почти оторвались от немцев, когда снаряд «Бофор-

са» попал в машинное отделение. «Каэмка» стала постепенно сбавлять ход, протянув еще с полкабельтова.

В открытом люке показалась голова моториста:

– Командир, пробит масляный фильтр на левом движке, а на правом – блок цилиндров! Маслова убило.

Мичман забористо выругался и произнес свое одесско-фамильярное:

– Ну, все. Приплыли, Клава, – и, повернувшись ко мне, добавил: – Шо, москвич, сушите весла и пожалуйста на румынские именины.

Я заметил, что Терещенко никогда не говорит «немцы» или «фрицы», а только «румыны». Только три дня назад от Гриши Поженяна я узнал, что его семью, жену и двух маленьких детей, румыны после захвата Одессы сожгли живьем. Сожгли не со зла, а просто сэкономили патроны. Жена была еврейкой, а золотых вещей, чтобы откупиться, не было. Румыны – это не немцы. К расовой теории они относились с большим пониманием, как к хорошей возможности заработать. Сам Терещенко в это время партизанил в одесских катакомбах.

«Шнельботы» быстро приближались, охватывая наш беспомощно болтавшийся катер слева и справа.

– В плен нам нельзя, москвич, – уже спокойно-обреченно сказал мичман. И взглядом показал на стоящий в рубке ящик с гранатами.

Неужели все, конец? Так, главное, успокоиться. Делаю

резкий, со свистом, вдох через нос, задерживаю дыхание и несколько коротких выдохов через рот. Предательская дрожь в руках проходит. Еще пару раз вдох через нос, задержка и выдох.

Стоп! А ведь мы еще не на том свете! Чудо то, что 40-мм снаряд насквозь пробил деревянные борта, движки и не разорвался, наверное, он был бронебойный. Осколочно-фугасный снаряд рванул бы, и наши авиационные движки полыхнули бы факелом. Снаряд пробил блок одного движка, осколками сердечника посекло фильтр на другом и убило моториста.

– Факел, дым, вот оно!

– Саня, Луис, ко мне! – дико кричу я.

Решение уже пришло откуда-то сверху. Мне вроде кто-то команду дает.

– Мичман, где у тебя противогазы? – кричу я в ухо Терещенко.

– В кубрике носовом, – недоуменно отвечает тот.

– погоди с гранатами, мичман! Смотри на Пинкевича и делай, как он. Не боись, прорвемся, – добавляю я.

Он смотрит на меня непонимающе, но объяснять ему что-либо некогда.

– Ребята, работаем как тогда в мае с финским БТР! Луис, хватай два противогаза и «фауст». В машинном зажигаешь дымовую шашку и тряпье в ведре. Там всегда ветошь масляная есть. Ее на палубу возле люка кинешь. «Фауст» взведи! –

кричу я в спину Луису. – Для тебя сигнал – Санин автомат! Саня, твои – пулеметчики на правом катере.

Говоря это, я снимаю ремень с уже пустой кобурой и подсумками для «штурмгевера» и бросаю на палубу. Автоматический карабин лежит на палубе возле тумбы с ДШК, он прикрыт брошенной Саниной камуфлированной курткой.

Так, у нас еще минуты три-четыре. Это даже много.

Левый катер ускоряет ход. Все понятно: с него будет высаживаться абордажная группа.

Саня срывает с себя горный свитер и остается в одной тельняшке. Он тоже медленно поднимает руки, опираясь спиной о ДШК.

Правый катер останавливается метрах в пятнадцати и, чуть развернувшись, ложится в дрейф. На нас смотрят кормовой «Эрликон» и два пулемета. Мы для них уже подарок морскому царю.

Поднимая руки, разворачиваюсь влево, с Пинкевичем мы стоим почти спина к спине. Между нами только пулемет на станке.

«Мой» первый катер уже метрах в пяти. На палубе, между рубкой и носовым «Бофорсом», два матроса. У обоих на головах каски, поверх робы надеты спасательные жилеты. У левого в руках карабин «маузер», у правого – автомат МР-40.

За рубкой «каэмки» поднимается столб дыма. Боковым зрением вижу, как горит что-то на палубе возле открытого

люка в машинное отделение. То, что надо.

«Шнельбот» с застопоренным двигателем почти касается нашего борта. Оба немца прыгают на нашу палубу.

Пора!

Не опуская рук с раскрытыми ладонями, маятниковым движением резко смещаюсь влево к матросу с карабином. От него в нос шибает резкий запах пота и немецких сигарет. Не растерявшись, он бьет меня прикладом сбоку в голову. Отлично! Что мне и надо. Чуть бросив тело вниз, с выдохом «снимаю»²⁶ удар.

Приклад проходит над моей головой. Со стороны это смотрится как отдание чести, когда левая рука на мгновение вскинута к горному эсэсовскому кепи.

Правой рукой, сопровождая, доворачиваю приклад. Главное, не терять контакта с противником. Немец теряет равновесие, его разворачивает, и я бью его плечом от груди. С шумом он падает за борт. Я этого уже не вижу. Оказываюсь за спиной другого матроса с финкой в левой руке, выхваченной с ноги при развороте. Волнообразным движением руки располосовываю ему горло.

– Саня, давай! – Мой дикий крик, наверное, слышно на небе.

За эти секунды, пока немцы видят суматоху на палубе, Пинкевич должен схватить «штурмгевер» и положить пуле-

²⁶ Элемент русского рукопашного боя. При «съеме» удар противника не останавливается, а продолжает движение, меняя направление.

метчиков.

Прыгая на палубу «шнельбота», выхватываю нож с правой ноги. За спиной три короткие очереди «штурмгевера» сливаются с шипящим выстрелом «фауста». На «шнельботе» оказываюсь между рубкой и пулеметом. Пулеметчик пытается развернуть свой MG. Между нами метра два.

Грудью подбрасываю левую руку. Чувствую, как хвостовик рукоятки отрывается от торца ладони. Рука на мгновение застывает, указывая цель.

Есть! Рукоять ножа торчит из-под козырька немецкой каски.

Падая, тело матроса потянуло приклад пулемета вниз, и короткая очередь ушла в небо.

Прыжок к другому борту. В глубоком выпаде, падая на колено, достаю ножом в грудь другого пулеметчика.

Прыжок на корму к сиденью «Эрликона». Вижу искаженное ужасом лицо комендора. Удар хвостовиком ножа снизу под подбородок. Голова запрокидывается, клинок ножа входит сверху под горло.

Зажимаю в зубах окровавленный нож, выхватывая из левого кармана брюк «яйцо»²⁷.

«То яичко не простое, то яичко золотое!» – мысленно кричу я, выдергивая терочную пробку.

Правой рукой резко поднимаю крышку люка в машинное отделение. Бросаю гранату, захлопываю. Все, хана вам, ре-

²⁷ Немецкая наступательная граната M-39. Имела круглую форму.

бятки! Мое «яичко» действительно не простое. Вокруг корпуса слабенькой немецкой гранаты изоляцией прикреплены гайки. Шансов уцелеть нет!

Прыгаю к левому пулемету. Внизу грохочет. Рывком разворачиваю МГ и очередью прохожусь по горящему «шнельботу». Вовремя! На мою очередь налетает матрос, бросившийся из рубки к пулемету. Тело отбрасывает назад, и, переломившись, оно летит в море.

Молодец Луис – попал из «фауста» точно в машину. Там пылают баки с горючим.

А на нашем катере ничего не горит и не дымит. Все уже выброшено в море.

Саня бьет от бедра по рубке «моего» катера. Луис уже за гашетками ДШК бьет по рубке горящего «шнельбота». От нее летят металлические ошметки. Пламя вырывается из открытого люка машинного отделения. Наводчик носовой артиллерии уткнулся лицом в казенник «Бофорса».

Вдруг из люка с диким криком выскакивает объятая пламенем фигура и бросается в море. Видно, люк в машину был открыт, от кумулятивной струи гранаты в задраенном отсеке никто бы не выжил.

Ладно, «язык» не помешает, пусть и моторист, а не офицер.

Не успеваю крикнуть, как с «каэмки» бьет автомат. Это ППС²⁸, а не «штурмгевер».

²⁸ Пистолет-пулемет Судаева. Имел откидной приклад. Предназначался для

Терещенко бьет короткими очередями, стоя в рубке. Да, ненависть – страшная штука. В нашей работе она порой мешает.

Внезапно все стихло. Слышен только ласковый плеск волн о борт катера.

Невозможно сказать, сколько прошло с момента прыжка немцев на палубу «каэмки». То ли две-три минуты, то ли час. Время, кажется, спрессовавшись, остановилось.

Я выдернул свой нож из глазницы убитого фашиста и, вытерев об его робу, убрал в ножны на ноге.

– Нэ вбивайте! Допоможите! – раздался крик с воды, слева от «моего» «шнельбота».

Подскакиваю к противоположному борту. Метрах в двадцати перебирает руками по воде тот, которого я сбросил в воду. Пробковый жилет держит его на поверхности.

Вот и «язык»!

Не успеваю подать команду, как с нашего катера короткой очередью чавкнул «штурмгевер».

Повернув голову, вижу Саню с автоматом у бедра. Четко вижу его глаза и понимаю – говорить ему сейчас что-то бесполезно.

Я тихо выругался.

Для Сашки эта мова как красная тряпка для быка. Я его хорошо понимаю и не попрекну никогда.

Когда нас, раненых, после днепровского моста с партизан-

ского аэродрома отправили на Большую землю, в госпитале мы встретили Саниного земляка из отряда Орловского. Они вместе призывались еще до войны. Вместе служили в дивизии Дзержинского.

Его рассказ был не для слабонервных.

Я тогда сидел в палате на своей койке и молча слушал.

Саня с земляком, кажется, его звали Андрей, рядом на стульях. За полтора года на войне я посмотрелся всякого, но и меня тогда стало трясти.

Андрей рассказал, как в мае сорок второго их родную деревню под Витебском окружил украинский батальон шуцманшафта²⁹.

Жителей загнали в колхозное зернохранилище и подожгли. Это еще было не все. Упившиеся самогоном каратели рубили топорами маленьких детей, а связанного старика живьем распилили двуручной пилой.

Я не слышал, чтобы такое творили немцы, финны и даже венгры.

– Мы «языка» ихнего летом взяли, – помолчав, добавил Андрей. – Главный тогда у них гауптман Роман Шухевич³⁰ был. Эти гады до палаческой службы в батальоне «Нахтигаль» служили.

²⁹ Schutzmannschaft Bataillonen – территориальные охранные части из восточных добровольцев под немецким командованием. Основу батальона составляли три стрелковые роты.

³⁰ Роман Шухевич – кадровый офицер абвера. В последующем командующий УПА. Национальный герой Украины.

«Нахтигаль» – по-немецки «соловей». Структуру немецких спецслужб в бригадной школе преподавал капитан-пограничник. С этими диверсантами абвера³¹ он схлестнулся еще в первый день войны. Мнения о них как о бойцах был крайне невысокого. Поэтому немцы и пристроили их к работе по душе. Сейчас, после Сталинграда и Курска, их в дивизию СС «Галичина» собирают.

Я взглянул на море. Этот «соловей» отпелся. Тело в спасательном жилете мерно опускается и поднимается на волнах. А от мокрой каски отражается солнечный зайчик.

Так, ладно, наше положение сейчас тоже не из лучших.

– Мичман, моториста на «шнельбот» быстро, пусть машину проверит.

– Добро, командир, – уважительно слышу в ответ.

Через мгновение он уже у люка в машину. Еще через минуту вижу его вместе с мотористом на «шнельботе».

– Саня, проверь живых на катере, – кричу Пинкевичу.

Луис, держась за гашетки ДШК, смотрит вдаль.

С шипением горит немецкий катер, огонь вырывается из всех щелей и люков.

Так, что мы имеем? Если патрульные катера в установленное время не выйдут на связь, ждите привет с воздуха. И болтающаяся на волнах цель, то есть мы, для «мессера» или «фокке-вульфа» будет как развлечение в тире.

– Командир, живем, один движок есть! – кричит Терещен-

³¹ Абвер – военная разведка в гитлеровской Германии.

ко со «шнельбота».

Еще минут через десять двигатель заурчал. Терещенко был уже в рубке немецкого катера. «Шнельбот» чуть-чуть прошел вперед, его корма оказалась в пяти метрах от бака «каэмки». Стоп машина!

Еще несколько минут – и мичман крепит трос к кнехту³² на корме.

– Держи, – он ловко бросает конец Луису.

Луис крепит «булинем» буксирный конец на носу «каэмки».

На палубе появляется Пинкевич с «вальтером» в левой руке.

– Живых нет, но есть морская карта и эскалэшка³³, – кричит он.

Отлично, это не хуже «языка»!

Все уходим, все по местам! Высаживаться для выполнения задания мы не можем.

Я сижу в кресле наводчика кормового «Эрликона», рядом лежат трупы немцев. Саня за комендора «Бофорса». Луис на «каэмке» за крупнокалиберным пулеметом. Раненый, тела рулевого и моториста – в кубрике.

Для нас сейчас главная опасность – самолеты.

Терещенко уверенно управляет немецким катером.

Слава Богу, мы успели отойти от горящего катера где-

³² Кнехт – опора для швартовки судна.

³³ СКТ – сигнально-кодовая таблица.

то на два кабельтова³⁴. Рвануло здорово! Поднялся большой столб воды, а через мгновение на поверхности уже ничего не было. Наверное, на борту были торпеды.

Нам повезло. Мы встретили пару наших тральщиков. Они возвращались с постановки минного заграждения.

Санинструктор сделал раненому перевязку.

– Жить будет, – сказал он про пулеметчика.

И тут погода начала портиться. Ветер усилился, наша кильватерная колонна все больше и больше зарывалась носом в волны.

Когда на горизонте показался берег, был уже поздний вечер.

После швартовки, когда раненого и погибших увезла «санитарка», мы сидели на скамейке у пирса. Спало нервное напряжение, навалилась усталость. Хотелось спать и ни о чем не думать. Я закрыл глаза.

...В тяжелой полудреме я увидел родной Чкалов. Пыльное лето сорок первого года.

В самом начале войны я, как и многие сверстники, только что окончившие десятилетку, помчался в военкомат. Там нам дали от ворот поворот. Сказали, что война будет скоротечной, Красная армия обойдется без нас. Весь июль я проработал в пригородном подсобном хозяйстве.

Все взрослые ребята и мужики нашей городской окраины, бывшей казачьей станицы Форштадт, ушли в армию.

³⁴ Кабельтов – $\frac{1}{10}$ часть мили. 185 метров.

Мне приходилось вставать затемно, убирать навоз в конюшне, кормить лошадей. Потом я запрягал кобылу и до темноты возил снопы с поля на ток. Жали пшеницу серпами женщины и девчонки.

Вечером я распрягал кобылу, чистил ее, задавал овса и сена.

Когда я добирался до нашего саманного домика, то мечтал только о подушке.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – постоянно говорил мне сторож дед Игнат, напоминая, что мы, Черкасовы, потомки черкасов – запорожских казаков, переселенных Екатериной на Оренбургскую пограничную линию.

В начале августа, возвращаясь с работы, я увидел ожидавшего меня одноклассника Сережку Матвеева.

– Едем завтра к часу в горком комсомола! Там добровольцев куда-то набирать будут, я сегодня узнал.

Утром я упросил деда Игната полдня поехать за меня.

В горкоме, отстояв очередь, я оказался в кабинете секретаря. Там же, за столом, сидел военный с капитанскими «шпалами». На вид ему было лет сорок. Вместо кисти правой руки из рукава гимнастерки торчал протез. Голова острижена «ежилом», смугло-желтая кожа лица и буденновские усы. У него был тяжелый пронзительный взгляд узких глаз.

Были вопросы об образовании, про спортивные разряды. Мельком глянув на значки «Ворошиловский стрелок» и ГТО

на рубашке, военный, сверившись со списком, спросил:
– Отчество у тебя как? Отца Василием звали?

Так началась моя учеба на курсах Осоавиахима³⁵.

А капитан Егор Иванович Подкидышев оказался сослуживцем моего отца, погибшего в Средней Азии в бою с басмачами.

Отобрал тогда Егор Иванович пятнадцать человек. В их числе был и Кайрат Туебаев. Он писал стихи и, будучи казахом, грамотнее всех нас изъяснялся по-русски.

Из пятнадцати курсантов обучение окончили только девять.

Тех, кто не соответствовал требованиям Подкидышева, отправили в военные училища.

Чему и как нас учили?

С утра до обеда шли занятия в радиоклассе. Хором осваивали напевы букв и цифр. Поначалу голова шла кругом от этих «по шести бери» и «я на горку шла». Позже стали осваивать передачу на ключе и прием на слух. Изучали международный радиокод.

После обеда и получасового отдыха за нас брался Егор Иваныч. Учил тому, чем занимался всю жизнь. А жизнь у него была еще та...

³⁵ Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Организация, занимавшаяся допризывной подготовкой. Предтеча ДОСААФ.

Родом он был из нагайбаков³⁶ станицы Подгорная. Когда завершил обучение в реальном училище, началась Первая мировая война. Несмотря на возраст, дома усидеть не смог.

Уже в пятнадцатом году вольноопределяющийся 10-го Оренбургского казачьего полка Егор Подкидышев начал службу в партизанском отряде³⁷ капитана Леонтьева³⁸.

После революции вернулся домой, где уже начиналась кровавая каша. Воевал против атамана Дутова под командой подъесаула Каширина³⁹. Потом опять уехал на запад. Вместе с Кириллом Орловским ходил по польским тылам. В конце двадцатых воевал с китайцами на Дальнем Востоке. Когда в тридцатых бился с басмачами, мой отец, оказывается, был у него командиром взвода.

В тридцать втором году Иваныч вместе с Орловским на учениях под Москвой отрабатывали парашютную высадку разведгрупп.

³⁶ Нагайбаки – субэтническая группа оренбургского казачества. Тюркский народ православного вероисповедания. Сейчас в основном компактно проживает в Нагайбакском районе Челябинской области.

³⁷ Партизанский, рейдовый разведотряд разведотдела штаба Юго-Западного фронта. Состоял в основном из оренбургских казаков.

³⁸ Капитан Леонтьев – в 1914 году офицер 14-й артиллерийской бригады. В этом же соединении в 1812 г. служил будущий партизанский командир – капитан Фигнер. Добровольно перевелся в разведку. Погиб в ночь на 15 ноября 1915 г. при проведении налета на село Невель. При этом был захвачен командир 82-й пехотной дивизии ландвера генерал Фобариус. Посмертно награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

³⁹ Стронник установления советской власти на Южном Урале.

Правда, в середине тридцатых, когда эту работу свернули, Егора Иваныча уволили из армии. Хорошо еще, что во вредительстве не обвинили. Это я узнал, служа в бригаде. Когда началась Испания, Хасан и Халхин-Гол, вспомнили и про него. Пуля японского снайпера достала его у озера Хасан.

Семьи у него не было.

Занятие проводились всегда одинаково. Мы начинали двигаться в ограниченном пространстве, сидя на корточках, стараясь не задевать друг друга. Потом то же самое, но уже на ногах. В плотной толпе учились чувствовать чужое воздействие. Учились дышать только «собачьим» дыханием. Со стороны все это очень похоже на русскую плясовую. «Играючи» нарабатывали движения ногами от таза, а руками – от груди. Минут через сорок начинали наносить и снимать телом удары, сыпавшиеся со всех сторон, причем все это в толпе.

На этом отсеялись первые два человека, которые раньше занимались боксом. Они не смогли переучиться, освоить, что здесь каждый работает за себя. Отсеянных курсантов отправили в военные училища. И моего одноклассника тоже. Мать писала, что лейтенант Сергей Матвеев сгорел в тридцатьчетверке под Прохоровкой год назад.

Потом разбивались на пары, изучали работу боевым ножом⁴⁰.

⁴⁰ Традиционный русский боевой нож не имеет гарды (упора). Система «нож-ножны» идеальна для боевого ножа. Фиксация ножа за счет трения очень жест-

Егор Иваныч не терпел слово «финка»:

– Финка – это девка из Гельсингфорса⁴¹, пластунский нож так звать негоже. Его уважать надо, у него такая же душа, как у человека.

У него в сапоге всегда был наградной нож мастера Силина⁴².

В нынешнем финском Хельсинки, а тогда главной базе Балтийского флота, Подкидышев когда-то проходил водолазную подготовку и изучал морские мины⁴³.

Учебные ножи Егор Иваныч делал сам из затупленных блестящих железных полос.

– Чтобы блеска шашки или ножа не боялись.

Деревянных учебных ножей он не признавал. Уже просто руками наработывали «троечки» и «хлесты»⁴⁴ ребром ладони. Потом начали наработывать и нижний маятник⁴⁵. Учи-

кая. При этом нож выхватывается мгновенно и бесшумно. На Руси имел название «засапожник». В преступном мире имел термин «финка». Был запрещен в СССР. В руках профессионала очень эффективен. Держат его пластунским хватом, когда рукоять ножа упирается в торец ладони.

⁴¹ Гельсингфорс – название Хельсинки до 1917 г.

⁴² Пластунский нож мастера Силина – наградной вариант боевого ножа. Награждались казаки-пластуны за восемь «языков» из числа офицеров. Производился в городе Златоусте.

⁴³ Первую подводную диверсию провел не военный моряк, а оренбургский казак, старший урядник Илья Рябчиков. Он был награжден Георгиевским крестом.

⁴⁴ «Троечки» и «хлесты» – название ударов в рукопашном бое, практикуемом казаками-пластунами.

⁴⁵ Нижний маятник – общее название группы движений, приемов и уверток,

лись выполнять в ограниченном пространстве кувырки, перекаты и переползания. По мере наработки навыков начали выполнять и прыжки с высоты, уходя в кувырок.

После первой тренировки шло часовое занятие по военной топографии. Потом небольшой перерыв и еще одна тренировка.

Не все могли это освоить.

Мы с Кайратом месяца через два уже свободно работали одновременно двумя ножами. Поэтому, учась в бригадной школе, я, к удивлению преподавателей, довольно быстро освоил стрельбу из пистолетов с двух рук.

Закончили учебу мы в конце ноября.

Прощаясь, Егор Иваныч подарил мне и Кайрату ножи, сделанные под нашу руку. Клинок был от НР-40⁴⁶, наборная рукоять глубоко сидела в кожаных ножнах. Все это он делал одной рукой, зажимая заготовку в тисках.

Его нож сейчас на моей левой ноге.

Прощаясь, он дал нам несколько наказов:

– Главное, ребята, на войне, чтобы смертного греха на душе не было. Он все видит. – При этом Егор Иваныч указывал пальцем вверх. – Вы хоть и комсомольцы, но это крепко запомните.

Тогда я его не понял, но уже на войне убедился, что трусов

выполняемых на поверхности (в нижней плоскости).

⁴⁶ НР-40 – армейский нож с гардой. Состоял на вооружении РККА. Носился на поясном ремне, застегивался на заклепку.

и подлецов пуля находит первыми.

– Еще запомните. Если смерти бояться не будешь, в живых останешься. Наш кавалерийский полк ОГПУ был сформирован из уральских и оренбургских казаков. Так басмачи нас всегда от мужиков отличали. Старались не связываться. У нас и потерь почти не было. Твой батя не в счет, – вздохнул он и посмотрел мне в глаза. – Нам тогда английского майора живьем взять задачу поставили. Вот он и подставился. Еще скажу. Если есть возможность не убивать – не убивай. Меня этому еще дед учил. Ну, все. С Богом, ребята.

Он левой рукой перекрестил меня и Кайрата.

Где он сейчас? Кого учит старой казачьей науке? Мать писала, что летом сорок второго Подкидышев уехал из города. Я писал ему в мае сорок второго, когда собирался в Белоруссию. Передавал привет от Орловского.

Знаю, что такая ускоренная игровая форма обучения используется не только в нашем четвертом управлении, но и в контрразведке Смерш⁴⁷.

На вокзале меня тогда провожала мать Кайрата и его младшая сестра. Его отец уже погиб в окружении под Киевом. Сестра была на два года младше нас, я ее видел пару раз мельком. Запомнилась только длинная коса. Тогда, на перроне, мы взглянули друг другу в глаза и все поняли без слов. Вот уже почти три года между нами ходят письма – треуголь-

⁴⁷ Контрразведка Смерш Народного комиссариата обороны. Образована 19 апреля 1943 г. Считается самой эффективной спецслужбой в мировой истории.

ники. В последнем письме Айжан писала, что уже оканчивает педучилище и скоро будет учить первоклассников.

Вспомнилась и учеба в бригадной школе. Февраль сорок второго...

И если бы не Семен Гудзенко⁴⁸, не сидел бы я здесь сейчас.

Мне как раз тогда исполнилось восемнадцать, и это был мой первый в жизни разведывод. Шло наше контрнаступление во время Битвы за Москву. Бригада несла большие потери, и нас, курсантов бригадной школы начсостава, отправили на пополнение боевых частей. Мне и еще двум курсантам предстояло действовать в подгруппе разминирования. Как выразился тогда наш командир Семен Гудзенко: «Производственная практика на свежем воздухе». Первый раз мне предстояло «тропить зеленую»⁴⁹.

Тогда ночью по нейтралке я полз за Семеном след в след. Когда мы начали работу, метрах в тридцати сзади залегла основная подгруппа. Эти бойцы, как и Семен, в бригаде с момента формирования. И задача у них еще та! Проползти через очищенный нами проход в минном поле через первую линию немецких траншей и, тихо сняв часовых, вырезать немецкую зенитную батарею калибра «восемь-восемь», поставленную на прямую наводку. Успех или гибель в назна-

⁴⁸ Семен Гудзенко – крупный советский поэт. В 1941–1946 гг. служил в специальных частях НКВД-НКГБ. Летом 1942 г. в немецком тылу был тяжело ранен. Умер в 1953 г.

⁴⁹ Пеший переход линии фронта (жарг.).

ченной на утро атаке танкового батальона зависели только от нас.

Я тогда почти завалил все дело. Семен снимал мины слева, а я справа. За нами тянулся шнур, указывающий проход. Обнаружил «шпринг-мину»⁵⁰ с натяжным взрывателем, перекусил проволочку и, выкрутив взрыватель, отбросил его в сугроб. Рука, опустившись в снег в полуметре от обезвреженной мины, наткнулась на что-то твердое. Я тогда не успел толком испугаться, как услышал шепот Гудзенко:

– Лежать, не двигаться!

Смутно помню, как Семен ножом обкапывал мину под моей дрожащей ладонью. Мина оказалась такой же «шпринг», только взрыватель был нажимного действия. Это нас с Семеном и спасло.

Через пару часов мы сидели в жарко натопленном бывшем немецком блиндаже. Наши тридцатьчетверки с автоматчиками на броне ушли далеко на запад.

Семен, глядя на огонь в печурке, сказал:

– В рубашке ты родился, возьми на память, – и протянул мне алюминиевый цилиндрик взрывателя. – Днем тепло было, снег на «усиках» растаял, а под утро вода в лед превратилась, он весь и заледенел, вот и не сработал.

Я долго таскал его в кармане, но уже перед самым окончанием школы его изъял наш старшина роты.

⁵⁰ «Шпринг» (нем.) – лягушка. Неофициальное название выпрыгивающей мины SM1 35. Почти полной ее копией была советская мина ОЗМ-4.

По окончании учебы я должен был лететь в Белоруссию в группе Орловского⁵¹. Мы уже провели укладку парашютов, но в последний момент все переиграли. Меня назначили командиром отделения в спешно формируемый горный отряд. Туда же попал пришедший из дивизии Дзержинского⁵² Саша Пинкевич. Он сильно переживал, что не довелось повоевать на родине. Его к нам зачислили как арткорректировщика. Он служил в арtpолку дивизии еще до войны и уже имел боевой опыт. Про таких говорят – «глаз-алмаз».

В горах Кавказа, где расстояние трудно определить из-за кажущейся близости, Пинкевич не только с буссолью, но и по сетке бинокля быстро и правильно определял дальность. В уме мгновенно высчитывал поправки на высоту над уровнем моря и ветер. С его целеуказанием все цели, будь то колонны горных егерей или командные пункты, поражались с минимальным расходом снарядов.

Кроме того, Саня оказался великолепным скалолазом. Как такое может быть с человеком, никогда не видевшим гор, загадка. Но уже через месяц тренировок Саня смог залазить по «отрицаловке»⁵³. Такого в нашем отряде не умели даже горцы.

⁵¹ Кирилл Прокопьевич Орловский – ветеран военной разведки и органов госбезопасности. Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда.

⁵² Дивизия оперативного назначения внутренних войск НКВД (сейчас Росгвардия).

⁵³ Склон с обратным уклоном.

Ему я обязан жизнью. Задание тогда было для нас обычным. Подняться выше немцев, пройдя по хребту. На террасе оборудовать наблюдательный пункт, развернуть приемник для радиоперехвата. Дальше вскрыть систему опорных пунктов немцев и быть готовыми к корректировке огня нашей горной батареи.

Все бы хорошо, но в горах обильно прошел снег. Мы шли в связке с Пинкевичем. Сзади шли еще два бойца. Они несли аппаратуру радиоперехвата. Идущий первым Саня прощупывал снег альпенштоком. Он прошел, а я, шагнув чуть в сторону, провалился в занесенную снегом трещину. За моей спиной была радиостанция.

Пинкевич, сдирая ладони в перчатках, сумел удержать меня, пока не подоспели ребята. Рация, слава Богу, осталась целой.

Уже потом, летом сорок третьего, нас ранило одной пулеметной очередью. Это была наша первая операция в группе Хохлова⁵⁴.

Нас выбросили в днепровских плавнях. Задача – не взорванный при отступлении в сорок первом мост через Днепр.

Утопив парашюты, мы на надувных лодках с грузом взрывчатки и водолазным снаряжением стали подбираться к мосту. В двух километрах выше по течению, в камышах, обо-

⁵⁴ Владимир Хохлов – известный советский тренер по плаванию. В годы ВОВ – водолаз-разведчик ОМСБОН, 4-е (разведывательно-диверсионное) управление НКВД-НКГБ.

рудовали базу. Сверху накрыли масксетью. Все шло неплохо, если не считать комаров. Перед рассветом, когда часовые обычно клюют носом, мы с Саней поплыли на доразведку объекта. Лица зачернили сажей, на голове пучок камыша. Плыли, держась за большую корягу. На этом и погорели.

Сначала плыли вдоль берега, но потом течение вынесло нас почти на середину реки. На мосту загорелся прожектор, и ударил пулемет. Спасло нас все то же течение, протащившее нас под мостом. Мне по касательной зацепило пулей голову, Пинкевича ранило в плечо. Хорошо еще, что немцы гранаты в воду не бросали. Мы бы всплыли, как глушеная рыба. А немцы молодцы, службу несли бдительно и для профилактики стреляли по всему плавающему. Тогда мы проплыли дальше по течению и на базу вернулись только через сутки.

Хохлов тогда все сделал сам. Надев водолазное снаряжение, в первую ночь он по компасу вышел к центральной опоре моста, протянув по дну саперный провод. Каждую следующую ночь, идя по проводу, он доставлял два ящика тротила. За десять ночей он один заложил полтонны! Мы только охраняли базу и готовили пищу.

Хохлов рванул мост, когда через него шел эшелон с техникой. Нажав кнопку подрывной машинки, он через мгновение увидел вздыбившийся мост и летящие в воду танки.

Немцы тогда так и не поняли, чья это работа. Думали, что это наша ночная авиация...

– Лейтенант, можно тебя на пару минут, – вырвал меня из прошлого голос Терещенко.

Я вздрогнул, сбрасывая дремоту.

Мы отошли в сторону.

– Вить, прости ты меня, ради Бога, – неожиданно услышал я, – что вас за тыловых фраеров держал. Если чего не так ляпнул, не держи зла...

Он как-то по-мальчишечьи шмыгнул носом.

– Да ладно, чего там, Андрей Петрович. Не последний раз нам, наверное, вместе идти.

Терещенко молча обнимает меня, а потом снимает свою новую морскую фуражку с «крабом» и протягивает мне на память.

К пирсу подъезжает машина, отрядная полуторка.

После прибытия на базу, сдачи оружия и ужина на камбузе разведчики завалились спать.

Проваливаясь в сон, Виктор Черкасов еще не знал, что он доживет до конца этой войны. И что через несколько лет в его жизни произойдут события не менее страшные, чем те, что пришлось пережить на этой войне.

Впереди была долгая и тяжелая жизнь.

Глава вторая

Сухая речка

*Посвящается советским военным служащим,
погибшим 8 октября 1950 года*

В августе в Приморье обычно наступает золотая пора. Дождей и туманов, идущих со стороны Японского моря, становится все меньше и меньше. Зато днем ярко светит солнце, а теплая погода держится до середины ноября.

В этом году летние туманы были особенно густыми и обильными. Своей влагой они пропитывали одежду, книги и продукты. Даже спички, и те отсыревали.

В этот воскресный октябрьский день туман, подобравшись с моря, шапкой молочного цвета укутал берег залива Петра Великого. А у меня сегодня выдался единственный выходной за месяц, я давно обещал дочке сходить в лес. В ее возрасте лес особенно интересен и загадочен.

Собственно, далеко и идти-то не надо. Лес, или, точнее, дальневосточная тайга, начинается в километре от домов, где живут семьи офицеров и сверхсрочников нашей бригады пограничных сторожевых кораблей. Мы с Айжан здесь, можно сказать, новоселы. Летом я окончил Военный институт иностранных языков. Теперь, согласно диплому, я квалифицированный военный переводчик со знанием английского и

японского. Хотя пять лет я изучал не только языки. География, этнография и история Китая, Кореи и Японии. Кроме того, политэкономия и международное право, специальные и военные дисциплины.

Как я оказался в морских частях погранвойск? Да очень просто. Наш Отряд особого назначения НКГБ⁵⁵ расформировали через год после войны. А зря. Именно за такими частями и соединениями будущее в современной войне. От ребят на курсе я слышал, что к этому приложили руку генералы из военной разведки. Так это или нет, не знаю.

Так как я во время обучения проходил стажировку на флоте, меня сюда же и распределили. Сейчас у меня и звание морское – капитан-лейтенант. Официально я служу в одном из отделов штаба бригады. Но моя служба не больно-то штабная. Морские погоны с зелеными просветами я ношу на плечах не зря. Я выхожу в море не меньше, а то и больше офицеров плавсостава. Людей, знающих японский язык, не хватает, вот и приходится отдуваться. В том числе допрашивать задержанных японских рыбаков. Хотя они такие же рыбаки, как я – автобус. Не все, конечно, но многие.

Сейчас, когда в Корее полыхает война и наши там оказывают помощь, американцев интересуют любые разведывательные сведения. Поэтому японские сейнеры и мотоботы

⁵⁵ После 1943 года отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД была реформирована в Отряд особого назначения НКГБ. Отряд состоял из отдельных парашютно-десантных батальонов минеров.

постоянно крутятся в нейтральных водах, частенько нарушая наши границы. Вовсе не из-за крабов и рыбы.

Позавчера я допрашивал капитана задержанного рыболовецкого судна. Поначалу он, кланяясь и улыбаясь, попытался сыграть под дурачка, на ломаном русском языке объясняя про неисправный двигатель и вышедший из строя компас. Но когда я, спокойно выслушав, на хорошем токийском диалекте объяснил ему, что компас и двигатель исправны, он мгновенно изменился. Слетела вся восточная вежливость и невозмутимость. А в глазах появилась нескрываемая ненависть. Стала видна и выправка офицера японского императорского флота.

А еще на этой якобы рыбацкой шхуне была радиорубка. Там досмотровая группа, кроме мощной радиостанции, нашла приемник для прослушивания наших корабельных радиочастот. В радиорубке стоял запах гари от сгоревшей бумаги. Даже дым еще не весь выветрился из иллюминатора. Это радист сжигал бланки радиоперехвата. Чтобы понять это, мне хватило одного не сгоревшего клочка бумаги. Японцев интересуют наши корабельные радиосети, вернее, не самих японцев, а их нынешнего хозяина – дядю Сэма.

* * *

Туман между тем рассеялся. И вот мы уже идем по тропинке между двумя сопками. Мы – это вся наша семья: я с

четырёхлетней Машей на плечах и сзади Айжан с рюкзаком. Рюкзак мы взяли не зря. Чего-чего, а грибов здесь хватает.

Идем по тропинке мимо журчащего прозрачного родника. Заходим в лес. Сверху над березами раздается громкое недовольное карканье.

– Вот, Маша, это про нас всем лесным птицам и зверям сообщает ворона.

Углубляемся в лес. Березы остались на опушке, за ними растут маньчжурские орехи с большими перистыми листьями. Рядом пробковое дерево. Уже в глубине леса растут кедры, обвитые лианами. Лианы – это побеги дикого винограда. Ягоды у него мелкие и кислые. Здесь, на Дальнем Востоке, вообще смешение северных и южных растений. Если бы не холодное морское течение, климат здесь был бы не хуже, чем в Крыму. Любят эти ягоды медведи. Мне рассказывали, что еще лет тридцать назад они выходили к окраине Владивостока, к корейской слободке. Есть здесь пятнистые олени, кабаны. Есть здесь пятнистый уссурийский тигр, самый крупный в мире.

– Полвека назад, когда Владивосток еще строился, тигры и медведи нападали на людей. Летом 1904 года от часового, охранявшего место расположения драгунского полка, к утру осталась только окровавленная фуражка. Полк прибыл на Русско-японскую войну. А нашел фуражку, идя по следу тигра, унтер-офицер Семен Буденный. Было это, правда, не здесь, а в Посъете.

Внезапно из-под куста орешника, слева от тропы, выпрыгивает кто-то серый и бежит по тропинке. Да это заяц!

– Папа, кто это? – с интересом спрашивает Маша.

– Это зайчик, дочка. Он тебя ждал, чтобы встретиться.

– А почему он от нас убегает?

– У него зайчата маленькие, вот он к ним побежал, – с улыбкой говорит Айжан.

– А это что такое? – Маша толкает меня правой ножкой.

Оборачиваюсь и вижу мечту грибника. На стволе высокого дуба растет «грибная лапша» – большое плодовое тело кремово-белого цвета. Оно состоит из множества висящих тонких лапшинок-иголочек. Это очень вкусный и питательный гриб. По вкусу он напоминает крабов или креветок. Очень ценят его корейцы и китайцы. Они его используют для лечения заболеваний нервной системы. А у нас это будет великолепный ужин.

С Машей на плечах подхожу к растрескавшемуся дереву. Правой рукой придерживаю дочку, а левой достаю из сапога нож и срезаю мохнатую шапку гриба. Хорошо бы еще лимонник найти. Да ладно, это в следующий раз.

– Айжан, положи в рюкзак, пожалуйста, – протягиваю добычу жене.

Сквозь деревья проглядывает солнце. От утреннего тумана и следа не осталось, мы возвращаемся домой. Между деревьями замечаю следы кабана и разрытую землю, это кабанья лежанка.

– Смотри, Маша, это кабаньи следы. С ними в лесу лучше не встречаться.

– А почему? Он что, нас всех съест? – недоуменно спрашивает Маша.

Айжан за моей спиной заразительно смеется.

А ведь жена с дочерью меня почти не видят. Когда еще выпадет следующий выходной?

С тоской вспоминаю, как мы провели отпуск. Как перед отъездом из Москвы были в гостях у Семена Гудзенко. Его здоровье становилось все хуже и хуже. Но он держался, не показывая, как ему тяжело. Работал над изданием сборника своих стихов.

Провожая нас на вокзале, Семен грустно сказал:

– Прощай, Витя. И не поминай лихом, как говорится.

– Почему прощай? – уже все понимая, спросил я.

Айжан внимательно посмотрела на меня, ничего не сказав.

Гудзенко взглянул мне прямо в глаза и кротко улыбнулся. Тяжелое ранение, которое Семен получил в сорок втором, дало о себе знать. Врачи не обещали ничего хорошего. Ведь Семена даже комиссовать тогда хотели. Но он отказался, оставшись служить в бригаде до конца войны. Естественно, не в боевом подразделении, а в политотделе. Но на фронте он все равно бывал периодически. Как он сказал в одном из своих стихотворений: «Мы перед нашей Россией, как перед Господом Богом, чисты».

А я тогда тоже хорош – дернуло за язык дурака. Ведь много раз видел на войне, что человек часто заранее чувствует свою смерть.

Возвращаемся вовремя. С моря начинает задуть влажный морской ветер. Дышать здесь нам, уроженцам степи, тяжело – слишком высокая влажность. То ли дело у нас на Южном Урале. Не зря именно к нам едут лечить болезни легких. Даже туберкулез излечивается в нашем сухом резко континентальном климате. Лечат его кумысом. Мой самый любимый напиток. Делают его из кобыльего молока. Именно в наших степях лечился от туберкулеза писатель Лев Толстой. И полностью вылечился! Вот что значит вкусный пенящийся напиток и запах степных трав. А в начале двадцатых годов в кумысном санатории «Жанетовка» возле города лечился Феликс Эдмундович Дзержинский. Наш город тогда еще Оренбургом, а не Чкаловом был.

Опять вспомнился отпуск. Точнее, приезд к моей матери. Как тогда я глянул на просевшую крышу саманного домика. Крыша совсем прохудилась, и дождевая вода, просачиваясь через чердак, оставляла лужи на полу. Колхоз, где работала мать, ничем помочь не мог. Нечем и некому. Те мужики, что вернулись, – инвалиды. Почти все крыши нашей городской окраины крыты соломой или камышом. Как и сто, и двести лет назад. Это немудрено. Вся наша промышленность работала только для фронта, только для победы. Вот поэтому вместо легковых автомобилей с заводских конвейе-

ров сходили танки и самоходки, а кровельное железо шло на изготовление оружия. А стояли за этими конвейерами женщины и подростки.

По роду службы я знал, что после сорок пятого года фактически ничего не изменилось. По-прежнему нас хотят уничтожить. Все тот же наш вековой враг – объединенный Запад. Сейчас он управляется Соединенными Штатами. Хотя... что-то изменилось, но вряд ли к лучшему. У Гитлера ведь не было атомной бомбы...

Крышу я тогда все-таки перекрыл. Знающие люди подсказали, к кому и как обратиться на городском базаре.

Приблатненному худощавому парню в кепке и хромовых сапогах я отдал всю свою офицерскую зарплату за год. Хотя кровельных листов требовалось не так уж и много.

– Не бойсь, у нас тут все по-честному. Меня здесь всякий знает, – поблескивая фиксой и попыхивая папиросой «Казбек», заверил он и пересчитал деньги.

Слово свое этот барыга сдержал. К вечеру на телеге нам привезли кровельное железо.

Так первый раз в жизни я работал кровельщиком. Помогала мне Айжан. А объяснял мне, что и как делать, дядя Ваня, вернувшийся с фронта без левой руки. Мой первый блин получился вовсе не комом. Перекрыв крышу, на следующий день мы на пригородном поезде поехали к матери Айжан. Она учительствовала в семилетней школе большого поселка, выросшего из железнодорожной станции.

При взгляде на Айгуль Булатовну у меня сжалось сердце. Смерть мужа и сына посеребрила волосы еще нестарой женщины. Глядя на нее, я понял, что вот такие русские женщины самых разных национальностей на своих плечах вынесли войну. И еще неизвестно, где было тяжелее – на фронте или здесь, в тылу.

Человеком Айгуль Булатовна была незаурядным. В начале двадцатых, окончив школу при медресе⁵⁶, она вступила в комсомол и поступила на рабфак. Писала стихи и заметки для областной газеты.

После рабфака начала работать в школе, где и познакомилась с будущим мужем. У нее больное сердце, но она продолжает учить детей в школе.

Приехали мы очень даже вовремя. Одна из стен ее саманного дома треснула и начала осыпаться. Трещина, проходящая почти посередине стены, была в палец толщиной. Хотя я ее и подмазывал глиной во время предыдущего отпуска, но у саманных строений свой срок. Весь оставшийся отпуск мы с женой месили глину с соломой, добавляя кизяк. Я уже давно так ударно не работал. У Айжан, кстати, лучше, чем у меня, получалось формировать саманные кирпичи.

Маша все это время проводила с бабушкой. А мы разбирали стену и складывали новую. Дождей, слава Богу, в это время не было. Успели подремонтировать и небольшой сарай, где жила главная кормилица – коза.

⁵⁶ Духовное училище для мусульман.

После завершения ремонта два раза ездили далеко в степь. Собирали степную малину, так зовут казаки это растение. Научное название – эфедра. Ее мелкие красные ягоды очень сладкие и очень нравятся дочке. Но много их есть нельзя. Это невысокое растение немного похоже на хвощ. Растет оно только в степи на скальных и каменистых выступах. Из этого растения готовят лекарство – эфедрин. Испокон веков эту травку знали и использовали казаки. Поэтому я, кроме ягоды, собираю еще и жесткие стебли травы. Ее отвар действует не хуже фенамина – таблеток, которые выдавали немецким диверсантам.

Помню, как два года назад Саня Пинкевич, приехав в Москву на сессию, остановился у нас. Служил он в Подольске, а учился в институте заочно. Приехал он после обеда, а на следующий день ему предстояло сдавать экзамен. К учебнику Саня почти не притрагивался. И вовсе не из-за лени. Служба у него была не мед, а его начальник отдела скидок и поблажек ему не давал.

Так вот, вечером на коммунальной кухне Саня попил густой отвар из стеблей степной малины и к утру прочитал весь учебник «Теория государства и права». А в институт поехал с почти ясной головой и еще достаточно бодрым. Экзамен он тогда сдал на четверку. Весь свой запас сушеной эфедры я отдал в тот раз ему. Саня в отличие от меня служит, ему она явно нужнее.

А еще мы в степи нашли и тоже набрали порезной травы⁵⁷, как зовут этот лишайник казаки. Останавливает кровь и заживляет раны. Да, отпуск – это хорошо. Только плохо, что он всегда быстро заканчивается.

С этими воспоминаниями мы дошли до дома. Еще через полчаса на общей кухне Айжан на большой сковороде жарила «грибную лапшу».

– Папа, а когда мы в следующий раз в лес пойдем? – спросила меня Маша.

– Не знаю, дочка, – честно ответил я. Мне и самому хотелось бы это знать.

Незаметно подошел вечер. Уже стемнело. А мне завтра опять в море... Хотя в бригаду должен прибыть мой однокашник по институту. Так что надежда на скорый поход с дочкой в лес была. Когда я все это сказал Айжан, она только улыбнулась. Женщины мудрее нас, мужчин, и, возможно, чувствуют будущее. Хотя... Блажен, кто верует.

* * *

С этими радужными надеждами мы улеглись спать. В сон

⁵⁷ Научное название – пармелия. Представляет собой интересный симбиоз двух организмов. Один из которых относится к группе грибов, а другой к земельным водорослям. В годы ВОВ врач военного госпиталя в г. Уральске Свиридов применял пасту из порошка пармелии вместо пенициллина. Было спасено много раненых с гноящимися ранами.

я провалился почти мгновенно, сказывалась усталость за месяц.

– Товарищ капитан-лейтенант, тревога!

Я услышал топот ног в коридоре еще до того, как отчаянно заколотили в дверь.

Бросив китель, который хотел надеть, я открыл дверь:

– Тише ты, семью разбудишь!

Но матрос уже бежал дальше по коридору, колотя во все двери подряд.

Лихорадочно одеваюсь. Наверное, опять эти клятые японские нарушители границы. Маша спит в своей кроватке, чему-то улыбаясь во сне. Айжан, как и я, уже на ногах. Подает мне фуражку и тревожный чемодан.

Молодец! Настоящая жена офицера!

Быстрым шагом идем гуськом по тропинке в сторону моря. Время – шесть ноль девять. Военный городок бригады, пирс, где стоят корабли, в двухстах метрах от нашего жилья. Еще через пятнадцать минут мы, офицеры управления бригады, стоим в строю перед приземистым двухэтажным зданием штаба.

– Товарищи офицеры! Сегодня рано утром американская авиация нанесла бомбо-штурмовые удары по нашим военным объектам. – Видно, что наш начальник штаба, высокий представительный капитан второго ранга, с трудом сдерживает волнение. – Информация по времени начала атаки пока противоречива. Данные по потерям тоже уточняются.

На данный момент известно, что полностью уничтожен один аэродром флотской авиации.

Кавторанг замолкает, пристально взглядываясь в лица. Затем продолжает говорить:

– Следующее. Согласно мобилизационным планам, наша бригада переходит в оперативное подчинение Тихоокеанского флота. Задачи по большому счету не меняются: охрана и оборона государственной границы, несение дозорной службы, охрана водного района. Поиск и уничтожение вражеских подводных лодок. С этого момента все находимся на казарменном положении. Все по рабочим местам, товарищи офицеры. Разойдись!

Минут через десять в кабинете нашего отдела зазвонил телефон внутренней связи. Я поднял трубку:

– Капитан-лейтенант Черкасов слушает.

– Черкасов, слушай внимательно, – в трубке послышался голос начштаба. – Поступаешь в распоряжение начальника Особого отдела бригады. Он тебе поставит задачу. Твой непосредственный начальник в курсе. – Все ясно?

– Так точно, товарищ капитан второго ранга, – бодро отвечаю я. Хотя мне абсолютно ничего не ясно. Пока понятно одно: кажется, нас снова ждет большая война.

Еще через двадцать минут я сижу на заднем сиденье в машине Особого отдела. Наш «газик», покрытый брезентовым тентом, куда-то едет по грунтовой дороге. Рядом с водителем сидит наш бригадный особист, хмурый молчаливый капитан

третьего ранга.

Едем молча. Мне никто ничего не объяснил в отличие от матроса-водителя. Куда мы едем, я понятия не имею.

Хотя за время службы в армии и на флоте к этому пора привыкнуть. А если быть более точным, то не в армии, а в войсках НКВД и не на флоте, а в морских частях погранвойск. Хотя хрен редьки не слаще.

Долго едем по незнакомой для меня местности. Осматриваюсь. Так, солнце светит сзади и чуть правее машины. Понятно, что едем на запад. Кажется, это Хасанский район. Издалека виден высоко поднимающийся столб черного дыма. Понятно, горит авиационное топливо. Через несколько километров подъезжаем к проволочному ограждению полевого аэродрома. Насколько хватает глаз, вижу, как на длинной взлетно-посадочной полосе горят обломки самолетов. Справа от взлетки дымят два длинных барака. Возле них вижу несколько пожарных машин. Стоят машины и возле кирпичного трехэтажного здания с выбитыми стеклами.

Мы подъехали к КПП⁵⁸ аэродрома. Особист вышел из машины и показал свои документы дежурному, длинному нескладному старшине. Открылись ворота, мы заехали на территорию аэродрома. Здесь уже хватало машин. Возле некоторых стояли водители – не только во флотской форме, но и армейцы. Кто-то курил. Я автоматически пересчитал технику: пять грузовых полупороков, три санитарных автобуса

⁵⁸ Контрольно-пропускной пункт.

и четыре «газика».

Капитан третьего ранга вышел из машины и подошел к группе офицеров, стоящих метрах в двадцати правее машин. Кто-то был в морской, кто-то в сухопутной форме.

Мне по-прежнему никто ничего не объяснял. Задачу тоже никто не ставил. Поэтому я решил поспать. Не зря говорится: солдат спит, служба идет. Но подремать мне удалось только минут пятнадцать. Я услышал шаги возле машины и открыл глаза.

К «газику» подошел офицер в форме морской авиации. Открыв заднюю дверь машины, он козырнул и представился:

– Капитан Василенко. Оперуполномоченный отдела контрразведки авиационной дивизии.

Из-под фуражки выбивался чуб пшеничного цвета. Цвет глаз у капитана был небесно-васильковый.

– Вы едете со мной, товарищ Черкасов. Это приказ вашего начальника, – пояснил офицер.

Ну ладно, хоть что-то мне сказали. Мы пересели в точно такой же тентованный «газик» и поехали обратно, в сторону моря.

– Андрей. – Капитан протянул мне руку, повернувшись с переднего сиденья.

– Виктор, – протягиваю я ему руку в ответ.

– Можно на «ты», – говорит Андрей. – Сейчас мы едем на пост воздушного наблюдения, оповещения и связи, – начинает он вводить меня в курс дела. – На пост произошло

нападение перед ударом по аэродрому. Есть убитые. Но подробности неизвестны.

С этого поста данные о воздушной обстановке поступают на командный пункт ПВО и ВВС флота. Цепочка таких постов идет по всему побережью. С этого поста сигнала об атаке не было.

– Ну, а вас, то есть тебя, Виктор, определили мне в помощь как специалиста в данном вопросе. – Андрей посмотрел на меня.

– Ладно. Чем могу, помогу.

Для меня хоть что-то прояснилось.

Через два часа, петляя между сопками, мы подъехали к объекту. На одной из сопок, над скальным обрывом с одной стороны, уходящим к морю, были видны антенны радиолокационных станций. И хотя сами фургоны, как и положено, были накрыты маскировочными сетями, но вращающиеся антенны не спрячешь.

«Газик» медленно подъехал к воротам ограждения из колючей проволоки. Нас уже ждали: возле ворот стояли три человека – матрос с карабином, старший лейтенант и старшина. К колючей проволоке примыкали два дощатых барака. Это, как я понял, казарма и хозяйственная постройка – продсклад с одной стороны и угольный склад с другой. За казармой стоял металлический турник и брусья. Слева от проволочного ограждения уходила наверх тропинка. Там на сопке стояла техника под масксетями. Был слышен звук работаю-

щей дизельной электростанции.

Мы с капитаном вышли из машины.

Старший лейтенант и старшина вскинули руки к фуражкам.

– Старший лейтенант Леонтьев. Исполняю обязанности начальника поста, – отрапортовал офицер.

Мы козырнули в ответ. Я протянул руку. Мы поздоровались.

– А почему исполняющий обязанности? – поинтересовался я.

– Да просто штатный командир в отпуске. А так моя должность – замполит роты связи в полку.

– Хорошо. Показывайте, что тут у вас, – нетерпеливо проговорил Андрей.

Старший лейтенант повел нас на сопку. Старшина шел за нами, замыкая шествие. Поднявшись, мы увидели две РЛС разведки воздушных целей «Редут». Между автомобилями с РЛС стоит еще один фургон. Вся техника установлена на домкратах. Расстояние между аппаратными метра полтора. В десяти метрах от техники – прицеп передвижной электростанции. От него тянулись кабели к технике. Мерно урчал дизель.

Перед входом в фургон на брезенте лежали два тела, накрытые плащ-палаткой. Это я понял по очертаниям.

– Пожалуйста, товарищ капитан. – Старший лейтенант открыл дверь фургона. Он обращался к Андрею, понимая, что

он старший. – Это наш пункт управления.

Втроем мы поднялись по маленькой лесенке и зашли в прицеп. Большую его часть занимает большой прозрачный планшет. На нем была изображена береговая линия и отображены данные о воздушной обстановке. Напротив – стол и рабочее место дежурного. На столе два телефона и документация. За столом сидел сержант, поднявшийся при нашем появлении. В метре от планшета и стола дежурного стоит стол радиста. Он сидит за радиостанцией «Север», упираясь спиной в стенку кузова. Да, места тут не слишком много.

– У вас только радиосвязь? – обратился с вопросом Андрей к старшему лейтенанту.

– Никак нет. Радиосвязь дублируется проводной. Вся связь работала и работает нормально. Поэтому, как только все это произошло, я сразу доложил на командный пункт и объявил тревогу. Личный состав занял круговую оборону. А я сюда поднялся сам.

– Во сколько вы доложили? И что толку от вашего доклада? Ваша задача – предупредить о воздушном нападении, и вы ее не выполнили. – Я обрываю старшего лейтенанта.

Он тушует, глядя на мое жесткое лицо. Еще вижу, что он первый раз в жизни увидел смерть. Это война, старлей, на ней убивают. Но ничего этого вслух не говорю.

– В шесть часов утра при смене патрульных матрос Джабаров обнаружил... увидел тело убитого. Он сразу доложил оперативному дежурному. Тот объявил тревогу и по «Север-

ру» выдал сигнал о нападении. Уже потом оказалось, что и оператор тоже убит.

– Вы в это время дежурили? – спрашивает сержанта Андрей.

– Никак нет. Старшина Нефедов. Он на улице. Позвать его? – с готовностью отвечает тот.

– Скажите, а как организована охрана поста? – спрашиваю я сержанта.

– Ночью здесь обходит патрульный с карабином. Патрулирование начинается с двадцати часов вечера и заканчивается в шесть утра.

– После шести те же патрульные выполняют задачи наблюдателей. Смотрят в бинокль за воздушной и надводной обстановкой. Внизу у казармы и склада ночью ходит часовой.

– И как они здесь прошли, ума не приложу. Ведь над морем обрыв. Там залезть невозможно. – Старший лейтенант выглядит растерянным.

– Кому как. А ум раньше надо было прикладывать. Показывайте остальное, – говорю я со злостью. Это тебе невозможно, вояка хренов. Но последнюю фразу я вслух не произношу.

Выходим из фургона. На улице нас ждет старшина.

– Товарищ старшина, расскажите, что было после доклада патрульного, – обращаюсь я к старшине лет тридцати.

Тот внешне спокоен. Судя по поведению и возрасту, из фронтовиков.

– После того как оператор не ответил по громкой связи, я сам пошел в машину. Ну а когда увидел, сразу дал команду радисту выдать сигнал о нападении и позвонил в казарму. Объявили тревогу.

– А я уже там, на подъеме, был, – не к месту влез старлей.

Я гляжу на него тяжелым взглядом. Он умолкает. Подхожу к убитым, поднимаю край плащ-палатки. Смуглое мальчишеское лицо. Парень похож на цыгана. Был похож, мысленно поправляю я себя. Остекленевшие глаза открыты, продолжают удивленно смотреть вверх.

Тельняшка и гюйс возле шеи темно-коричневого цвета от запекшейся крови.

Спокойно рассматриваю шею. Эмоции мне ни к чему, это для слабонервных барышень. Да, чистая профессиональная работа. Пишущий удар по шее ножом с протягом. Сразу отсекается сонная артерия, мышцы и нервные пути. А рукопашных навыков у этого матроса, естественно, не было, как и боевого ножа в сапоге. А они ведь в первую очередь нужны не нам, а тем, против кого мы работаем.

– Это, как я понял, оператор. – Я смотрю на старшину.

– Так точно, лучший оператор был, матрос Джабаров, – отвечает тот.

– Однофамилец патрульного, что ли?

– Никак нет. Брат его. Из Таджикистана они...

Рывком переворачиваю тело второго матроса. Холодное тело уже плохо гнется. На спине под сердцем рана от удара

ножом. Что ж, это тоже понятно. Именно так учили в разведшколах абвера.

Я снова накрываю тела плащ-палаткой. На старлея жалко смотреть. Того гляди в обморок грохнется. Да, это не воин, хотя и офицер.

Я смотрел на тела этих ребят, и у меня в душе появилось чувство вины. Словно это я, прошедший всю войну в разведке, не уберег здесь этих мальчишек. Еще у меня появилось и окрепло чувство уверенности, что враг и сейчас где-то рядом. Логически объяснить я это не мог, просто чувствовал, и все. А мои учителя говорили, что в первую очередь надо верить своим ощущениям.

– Долго они здесь еще лежать будут? – спрашиваю старшего лейтенанта.

– Наша транспортная полуторка в ремонте, из полка ремонтники уже выехали.

Все замолчали. Я знаю, что не только невидимые электронные лучи днем и ночью обшаривают небо, стараясь увидеть американские самолеты, взлетающие с авиабаз на японских островах. Несут свою вахту операторы РЛС разведки морских целей и наблюдатели береговых батарей.

Сторожевые корабли и катера патрулируют морские подходы к Владивостоку, Находке и Советской Гавани. А получилось, что все это без толку! Как двадцать второго июня сорок первого года.

Захожу в фургон РЛС. Индикатор разбит, на деревянном

полу, под ножкой вращающегося стула, бурые пятна.

Все ясно! Матрос повернулся к открывшейся двери и получил удар ножом.

– Старшина, станция всегда от дизеля запитывается? – спрашиваю я.

– Так точно. Линию к нам только обещают подвести.

– То есть если даже кричать, то за шумом движка никто ничего не услышит, – уточняю я.

– Ну, да, – отвечает старшина.

Заходим в другую аппаратную. Индикатор кругового обзора тоже разбит вдребезги.

– Эта станция была выключена. Они по очереди работают. Вообще, согласно графику включения, наши РЛС по очереди с другим постом работают. Мы один сектор разведки перекрываем, – поясняет старшина.

– Понятно. Пошли обрыв посмотрим, – говорю я Андрею.

Вчетвером подходим к однорядному проволочному заграждению. Внизу шумит море. Скала уходит вниз почти вертикально.

– Говоришь, невозможно здесь залезть? У тебя перчатки есть? – Я поворачиваюсь к старшине.

– Какие еще перчатки? – с недоумением спрашивает старший лейтенант.

– Желательно кожаные. На худой конец, сойдут и матерчатые.

– Да, есть. В казарме, в кармане шинели, – говорит стар-

шина.

А старлей до сих пор, кажется, так ничего и не понял.

Зато старшина смотрит на меня с пониманием. Да и на убитых ему смотреть явно не впервой.

– Ты где войну заканчивал? – почему-то спрашиваю я его.

– В Корее. Тридцатая бригада морской пехоты. В Сейсине мы высаживались, – степенно говорит он. Он говорит «мы», а не «я». Так до сих пор говорят в русской деревне, где «мы» – это весь деревенский мир, то есть община. Потом добавляет: – А так всю войну на Севере, на Рыбачьем пришлось. Не были там?

– Нет, не пришлось, – отвечаю я.

Мы уже отлично понимаем друг друга. Можно сказать, чувствуем.

За этим разговором спустились к казарме. Мы с Андреем заходить не стали. Подождали, пока старшина вынес перчатки, и втроем пошли к воротам. На нас удивленно смотрит часовая.

Пройдя метров сто, обогнули сопку и пошли по тропинке к морю. Скала отвесно поднималась из воды к морю. Прыгая с камня на камень, обдаваемые солеными брызгами, мы прошли метров шестьдесят. Остановились, дальше шла вода, и я начал осматриваться. Скала высотой метров десять-двенадцать. Отсюда снизу она не такая уж и обрывистая. Отрицаловки вообще нет. Участок «зеркала» не очень большой. Я, правда, уже давно не тренировался... Эх, была не была.

Снимаю китель и фуражку, отдаю Андрею. Он смотрит на меня с явным интересом.

– Возвращайся. Жди меня наверху, – говорю я ему, натягивая перчатки.

Конечно, Сашка Панкевич, идя свободным лазанием, взлетел бы здесь на одном дыхании.

Я заранее прикинул камни для опоры и поднялся наверх где-то минут за десять.

Когда я перелез через проволоку и оказался за спиной наблюдателя, тот даже не заметил – увлеченно смотрел в бинокль куда-то вдаль.

Когда я сзади хлопнул его по спине, он, перепугавшись, забыл даже про карабин за спиной.

Детский сад, да и только.

Сигнальные мины на ограждении тоже не выставлены. Тьфу.

А я еще тельняшку на спине порвал, когда под колючкой лез.

Андрей со старшиной поднимаются на позицию.

– Все понятно? – спрашиваю я, глядя на них. Они молча кивают. – Они, а скорее всего, он один поднялся по скале. С нее же спустился самосбросом. Ушли в море, так же, как и пришли. Один был в надувной шлюпке, другой сработал. Это профессионалы. Никаких следов не оставили.

– Вся операция тщательно подготовлена и рассчитана по минутам. Когда был убит оператор, американские самолеты

уже взлетели со своего аэродрома. Поэтому у них и прошло все так гладко.

– Вот такие пироги, брат, – заканчиваю я, надевая китель. – И еще, – я поворачиваюсь к старшине, – по-хорошему, на вашу позицию ночью надо бы парочку дрессированных овчарок выпускать. Толку точно было бы больше, чем от ваших бойцов.

Подошел старший лейтенант:

– Может, пообедаете с нами, товарищи офицеры? А потом и поедете. Ваш водитель уже с нашими бойцами поел.

Мы с Андреем, взглянув друг на друга, дружно соглашаемся. Ни он, ни я с утра ничего не ели. А сейчас уже три часа, и неизвестно, где и когда нам придется поесть.

За стол садимся вчетвером. Я уже знаю, что старшина здесь и за зампотеха, и все хозяйство тянет. Так что у меня к нему уважения намного больше, чем к старлею. Хотя он и намного младше меня званием.

С аппетитом съедаем по тарелке наваристого борща. Мы уже доедали второе, макароны по-флотски, когда в маленькую комнатку столовой вбежал дневальный.

– Капитана Василенко срочно к телефону! Какой-то генерал, – выпалил матрос.

Андрей пулей вылетел из-за стола.

Я уже допивал компот, когда Андрей крикнул мне, заглянув в столовую:

– Поехали, Витя.

Я не стал ничего спрашивать, а молча схватил фуражку.

Почти бегом мы дошли до машины. Водитель за рулем, двигатель уже работает. С ходу трогаемся.

– Через два часа нам с тобой нужно быть на КП флота. Будем докладывать командованию, почему на аэродроме Су-хая Речка никто ничего не ждал.

Да, час от часу не легче. Не зря же в армии говорят: «Держись подальше от начальства и поближе к кухне». Я закрыл глаза, сделал несколько вдохов и выдохов и постарался успокоиться.

* * *

Мы успели почти вовремя. Опоздали на семь минут, но никто нас за это не ругал. На КПП у нас долго и тщательно проверяли документы. Потом дежурный лейтенант куда-то позвонил и наконец позвал матроса:

– Проводи их.

Командный пункт находится глубоко под землей. Он способен выдержать любую бомбардировку. Оттуда, из-под толщи земли и железобетона, сейчас идет управление всеми силами и средствами флота – в море, на берегу и в воздухе.

Мы спускаемся вниз на второй этаж. Матрос ведет нас по длинному коридору.

Наконец мы оказались в приемной. Невысокий капитан-лейтенант оторвался от бумаг на столе:

– Ждите, вас вызовут. Сейчас у командующего совещание.

Садимся на стулья у стены. Так молча сидим около часа. Вот так всегда – сначала торопят, а потом ждать приходится.

Наконец открывается массивная дверь и появляется высокий капитан первого ранга. Мы вскакиваем со своих стульев.

– Черкасов, Василенко вперед. Докладывать коротко и по делу. Все ясно?

– Так точно, – хором отвечаем мы.

Вслед за каперангом мы оказались в большом ярко освещенном зале. От увиденного мне стало немного не по себе. Столько начальства я в жизни не видел. За тремя длинными столами, составленными буквой «п», сидит все командование флота, армейцы и пограничники. Генералы и адмиралы, всего несколько капитанов первого ранга и полковников.

Ближе всех к нам сидят начальник разведки штаба флота и начальник флотского Особого отдела. Вижу нашего комбрига. Рядом с ним сидит генерал в сухопутной форме. Кажется, это начальник Приморского управления МГБ. Рядом сидит флотский генерал, начальник Управления береговой обороны.

– Внимание, товарищи! Сейчас будет доклад, за счет чего противнику удалось достичь внезапности, – объявляет какой-то адмирал.

Начальник Особого отдела нам незаметно кивает. Андрей

начинает докладывать. Все смотрят только на нас.

– График работы, частотные характеристики и зона обнаружения наших РЛС были заранее определены американскими самолетами-разведчиками. Самолеты типа РБ-50 базируются в Японии. На борту имеют аппаратуру радио- и радиотехнической разведки. Поэтому диверсионной группе и была поставлена задача уничтожить РЛС перед началом воздушной атаки. Все было скоординировано по минутам. Когда звено Ф-86 поднялось в воздух, диверсанты уже орудовали на посту наблюдения.

– Способ заброски группы? – спрашивает адмирал, начальник разведки.

Андрей на мгновение теряется.

– Разрешите? – перехватываю я инициативу. Мне понятно, что Василенко в первую очередь летчик и технарь. – Теоретически возможна высадка с подводной лодки. Еще до войны здесь, на Тихоокеанском флоте, отрабатывался выход водолазов-разведчиков через торпедный аппарат подводной лодки. Лодка при этом находилась в подводном положении.

В настоящее время на Западе есть высококвалифицированные боевые пловцы. В Западной Германии это матросы и офицеры «Кляйнекампфербанд» – соединения малого боя гитлеровских ВМС. В Италии это подводные диверсанты 10-й флотилии малых штурмовых средств. Ею командовал капитан первого ранга Валерио Боргезе. Сейчас этот убежденный фашист сотрудничает с американской разведкой. Ита-

лия и Западная Германия – члены НАТО. Практичные американцы просто не могут не использовать эти опытные боевые кадры.

– Черный князь – так, кажется, зовут Боргезе? – спрашивает какой-то адмирал.

– Так точно, товарищ контр-адмирал.

– Продолжайте. – Адмирал одобрительно кивает.

– Я уверен, что здесь действовала не разведывательно-диверсионная группа. Высадку с воздуха на парашютах сразу бы засекли посты воздушного наблюдения.

– А кто же? Ангелы с небес, что ли? – прерывает меня какой-то генерал береговой службы.

– Я уверен, что сработала спящая диверсионная резидентура. Судя по почерку, это мог быть и агент-одиночка. Получив сигнал по радио, агент прибыл в данный район на надувной шлюпке и так же ушел после выполнения задачи. Рядом с постом находится рыбачий поселок. Кроме того, в округе есть несколько деревень.

В воздухе повисла гнетущая тишина. Все присутствующие молчат. Только мой комбриг, сидящий за левым столом, незаметно одобрительно кивает мне.

– Вы в этом уверены, капитан? – на меня тяжело смотрит генерал из МГБ.

– Так точно, товарищ генерал. Неизвестная подводная лодка не смогла бы подойти к нашему берегу.

Лицо генерала начинает наливаться кровью.

– Капитан-лейтенант Черкасов доклад закончил, – говорю я, глядя на генерала.

Сейчас я кидаю камень в его огород. Получается, за все это в первую очередь должны отвечать его подчиненные. Но я не просто выгораживаю моряков и летчиков, я знаю, как несут службу наши сторожевики и флотские из охраны водного района. Плюс морская патрульная авиация.

– Свободны, – буквально рычит на нас генерал.

– Есть, – четко по уставу вскидываю руку к фуражке и, повернувшись кругом, вылетаю в приемную. Василенко выходит следом.

Андрей молча жмет мне руку.

То, что произошло после нашего выхода наверх, я потом расценивал как чудо. Возле машин, на которых прибыли генералы и адмиралы, стояли несколько офицеров.

– Витька, ты, что ли? – ко мне, улыбаясь, подошел майор в общевойсковой форме.

Я сразу даже и не сообразил, кто это. Потом мы обнялись. Сейчас майор Дмитриев служил в Приморском управлении МГБ. А в июне сорок первого, после окончания Высшей школы НКВД, он начал службу в войсках Особой группы НКВД⁵⁹. В начале августа в отряде Медведева они были первыми из бригады заброшены в глубокий немецкий тыл.

Потом, с декабря сорок первого, Петр готовил младших командиров в нашей бригадной школе. Я у него был в числе

⁵⁹ Первоначальное название соединения специального назначения.

лучших курсантов. Вместе мы работали в немецких тылах на Кавказе. Там Петра тяжело ранили. После госпиталя он служил уже здесь – отбирал и готовил партизанские кадры. Опасность японского нападения оставалась вплоть до Сталинграда и Курска.

Мы снова встретились в июне сорок пятого, когда нас перебросили на Дальний Восток. Петр тогда занимался нашей доподготовкой.

А сейчас мне его Бог послал.

– Петро, выручай. Мне семью срочно отправить надо. – Я с ходу беру быка за рога.

– Я всего третий месяц в транспортном отделе работаю. Но, что смогу, сделаю. Куда ехать-то надо? – чуть подумав, спрашивает он.

– На Урал. В Чкалов или куда поближе – в Омск или Челябинск. А там уж жена с дочкой доберутся. Я знаю, что билеты на поезд уже не достать, поэтому и прошу тебя.

Майор несколько минут думает. Потом говорит:

– Завтра в четыре тридцать утра я пришлю машину. Билеты твоя жена возьмет перед отправлением поезда, это я обеспечу. Идет?

– Петро, с меня причитается. – Я коротко обнимаю его.

– Ладно, свои люди, сочтемся. Бывай, Витек, мне здесь кое с кем еще переговорить надо.

Я бегу на КПП. Вижу в воротах «газик». Андрей Василенко, чуть высунувшись, махнул мне рукой на прощание. Все

понятно. Ему начальство уже нарезало задач.

Из помещения КПП я по телефону через бригадный узел связи быстро дозвонился до нашего общежития. Трубку подняла комендантша.

– Але, Марья Петровна, позовите, пожалуйста, Айжан Черкасову к телефону.

Минут через десять слышу в трубке:

– Але, Черкасова слушает.

– Слушай внимательно. Утром ты с Машей уезжаешь домой в Чкалов. Я постараюсь вас проводить. Прямо сейчас начинай собираться. Все. Конец связи, – по привычке говорю я и кладу трубку.

Мне все-таки удалось проводить жену с дочерью. Для этого, правда, пришлось побывать в самоволке.

Ночью я вышел из штаба.

– Далеко собрался? – спросил дежурный капитан третьего ранга из оперативного отдела.

– Да воздухом подышу, а то башка уже не соображает, работа не идет.

Дежурный понимающе кивнул. Он знал, что в бригаде я с флотского КП возвращался в машине комбрига и по дороге начальник штаба надавал мне задач, как говорится, выше крыши.

Я отдал честь знамени соединения, возле которого стоял матрос с карабином, и вышел на улицу. Зайдя за здание штаба, я перелез через забор и неслышно быстрым шагом пошел

к нашему дому.

Петр Дмитриев сдержал слово – «газик» подъехал вовремя. Я поцеловал дочку, обнял жену и посмотрел вслед отъезжающей машине. Из вещей у жены был только один чемодан.

После отъезда семьи у меня гора свалилась с плеч. Хотя бы за их жизни можно не беспокоиться. Хотя американцы официально не объявляли войну, мы все понимали – мир уже висит на волоске. Правда, пока продолжения бомбежек не было. Гитлер, кстати, тоже войну Советскому Союзу не объявлял. А Владивосток, Находка, Советская Гавань – это флотские базы, аэродромы и береговая инфраструктура флота. В случае чего здесь всем несдобровать.

Я достаточно наслушался, что было с семьями военных на западной границе в июне сорок первого. Впрочем, для меня это предвоенное состояние началось отнюдь не выходом в море или еще чем-то героическим. Сейчас моя работа – чертить тактические схемы и планы взаимодействия. Делать это надо аккуратно, на больших листах ватмана, черной тушью.

Я работал с вечера почти всю ночь, утро и день. Перерывы были только на ужин, завтрак и обед. Я уже плохо сообщал, периодически делал ляпы и подтирал их ластиком. Матрос-чертежник еще не вернулся из госпиталя.

– Да, товарищ капитан-лейтенант, штабной культуры бы вам не помешало добавить, – язвительно сказал начальник штаба, глядя на мое рукоделие.

Я смотрел одуревшими глазами и виновато помалкивал.

Но, к счастью, моя штабная служба закончилась быстрее, чем я ожидал. Через двое суток после отъезда семьи меня опять вызвали к начальнику штаба. Комбриг вышел в море, и начштаба был сейчас за главного.

– Товарищ капитан-лейтенант, вы убываете в командировку. Место прибытия – город Москва. Через два часа с флотского аэродрома вылетает транспортный Ли-2. Он летит до Куйбышева. Далее доберетесь поездом. Вопросы?

– Никак нет, – бодро ответил я.

– Проездные документы получите в строевой части. Вы свободны.

* * *

В Москве ранним воскресным утром меня на Казанском вокзале встречал подтянутый капитан с эмблемами связи на погонах. Встречал он не только меня. За те шесть часов, что мы провели на площади трех вокзалов, к нам присоединилось еще семь человек. Все они прибыли с разных концов страны. Четыре моряка и три армейца. Трое моряков были с погонами плавсостава, четвертый капитан – в форме морской авиации со значком парашютиста, на котором были цифры 100. Двое сухопутчиков были танкистами, один с эмблемой Инженерных войск. В званиях они были от старшего лейтенанта до капитана третьего ранга. Все невысокие, но крепкие тренированные ребята.

– Так, вроде все. – Капитан сверился со списком. – Прошу в автобус, товарищи.

Я как раз доедал пирожки, купленные у торговки на при вокзальной площади.

Офицеры с чемоданами и я с горным рюкзаком проследовали за ним. За рулем «ЗИС-8» сидел светловолосый ефрейтор крепкого телосложения. Ехали мы чуть менее часа, петляя по улицам Москвы. Наконец автобус подъехал к воротам на одной из малоприметных улиц с домами дореволюционной постройки. Я не увидел никаких табличек с названием, нумерация на домах тоже отсутствовала.

Автобус заехал во двор. Во дворе было пять автомобильных боксов. Справа от ворот стояла легковая немецкая машина «Мерседес-Бенц» черного цвета. Рядом – водитель в военной форме.

Моя голова лихорадочно заработала. На таких трофейных машинах ездят старшие офицеры и генералы. Машину не загнали в гараж, значит, долго она здесь не пробудет. И тот, кто на ней приехал, приехал именно для встречи с нами. Вернее, нас привезли для встречи с ним.

– Выходим, товарищи офицеры, – капитан оборвал ход моих мыслей.

Мы по очереди вошли в дверь контрольно-пропускного пункта на первом этаже трехэтажного здания из красного кирпича.

Два крепких спортивных парня в гражданской одежде

тщательно проверили наши удостоверения личности и командировочные предписания.

После этого капитан повел нас на третий этаж. Мы зашли в большой просторный кабинет.

– Здравствуйте, товарищи офицеры. С прибытием. – Хозяин кабинета пожал каждому из нас руку. – Генерал-майор Эйтингтон.

Он был в полной генеральской форме с рядом орденских колодок на груди.

– Прошу, присаживайтесь. – Генерал указал на ряд стульев у стены. – Чаю, извините, не предлагаю, время у нас более чем ограничено. – Лицо генерала стало серьезным. – Вы прекрасно знаете о событиях на Дальнем Востоке. Уничтожение нашего аэродрома – это была разведка боем. И она у американцев прошла более чем успешно. Уничтожены девять наших самолетов. За несколько дней до этого они сбили наш самолет-разведчик над Желтым морем в районе Порт-Артура. Кроме того, каждую неделю с моря и с воздуха на советскую территорию забрасываются шпионы и диверсанты. Бывшие латышские и украинские эсэсовцы, каратели и полицаи. Руки у них по локоть в крови. Только хозяева теперь другие. – Генерал обвел нас всех усталым взглядом. – В любой момент можно ожидать атомную бомбардировку. Поэтому вы, товарищи, и откомандированы из своих частей. Для каких задач, я думаю, вам объяснять не надо. Вы все профессионалы с серьезным боевым опытом. Вы в войну слу-

жили в Смерше ВМФ⁶⁰. – Генерал посмотрел на моряков. – А вы, насколько мне помнится, в отделе Селивановского⁶¹. – Эйтингтон перевел взгляд на армейцев.

– Так точно, товарищ генерал, – негромко сказал один из танкистов, большеголовый капитан со шрамом на подбородке.

– То, что сейчас происходит в Корее, вы тоже знаете. Эта война вполне может перерасти в третью мировую. Наши летчики, моряки и прочие специалисты уже находятся в пути. Поэтому формируется отряд для действий во вражеском тылу. Причем не только из офицеров нашего ведомства. В основном там будут соседи.

Мы поняли, что речь идет о военных разведчиках.

Генерал встал и подошел к окну.

– Вы не хуже меня знаете, товарищи, что в тыл врага идут только добровольно. Никого из вас не хочу обижать, но каждый имеет право отказаться. Никаких дисциплинарных последствий это иметь не будет. Просто вернетесь к своему месту службы. – Генерал обвел всех взглядом. – Давайте сделаем так. Кто согласен ехать в командировку, садится в автобус. Те, кто не согласен, пусть подождут возле моей машины.

⁶⁰ С апреля 1943 года существовали три независимые военные контрразведки. Самая известная – это Смерш Народного комиссариата обороны. Кроме того, были Смерш Военно-Морского Флота и Смерш НКВД, отвечавший за контрразведку в войсках НКВД.

⁶¹ Данный отдел в Смерше НКО занимался диверсионными операциями во вражеском тылу.

Свободны, товарищи офицеры.

Выходя из кабинета последним, я вдруг услышал:

– Товарищ Черкасов, задержитесь на минутку.

Я прикрыл дверь и подошел к генералу.

– Витя, это я про тебя кадровикам напомнил, – улыбнулся

Эйтингтон.

– Да все нормально, Наум Исаакович. Ну, я пошел в автобус.

– Погоди. Я с тобой посоветоваться хочу.

Только сейчас, вблизи, я рассмотрел, какое измученное у генерала лицо. Синева под глазами говорит о том, что работать ему приходится сутками. Я близко знаю Наума Исааковича с лета сорок второго, со времен Битвы за Кавказ. Помню, перед нашим выходом в немецкий тыл он долго беседовал со мной, мальчишкой, как с равным. Хотя он уже был заместителем начальника нашего диверсионного управления. Вообще он прост в общении и внимателен к подчиненным.

Еще знаю, что все, что касается чисто военных операций и взаимодействия с военной разведкой, – это все забота Эйтингтона. Его очень уважают в военной разведке. Его опыт многогранен.

В двадцать пятом году он окончил восточный факультет Академии Красной армии. В качестве разведчика-нелегала работал в Китае, Турции, Греции. А во время войны с фашистами в Испании был на фронте. Там его знали как генерала Котова. Еще нас сближают, несмотря на разницу в зва-

ниях и возрасте, три месяца, проведенные вместе в Восточном Туркестане⁶².

Английская разведка пыталась тогда сорвать добычу и отправку в Союз урановой руды. Англичане подготовили несколько отрядов уйгурских боевиков. Я тогда был в группе Прокопюка⁶³. Мы быстро обнаружили и уничтожили базу боевиков без потерь. Вся наша группа была из бывших омсбонцев. Кстати, в институте для всех слушателей и курсантов я был в дальнем морском походе к берегам Египта. Тем более, когда я появился в конце ноября, мое загоревшее, почти коричневое лицо это подтверждало.

– Витя, подумай, что вам там из специального вооружения и средств связи понадобится? Все, что официально состоит на вооружении, у вас будет.

– Наум Исаакович, что тут думать, я сразу скажу. Винтовки СВТ⁶⁴ с глушителями «Брамит». К ним бы прицелы ночного видения. Помните, как мы их впервые на Кавказе опробовали? Ночные прицелы и бинокли тогда еще экспериментальными были.

– Помню, – кивает Наум Исаакович.

«Брамит» на винтовке Мосина и револьвере «наган».

– Что еще?

– Переносную аппаратуру радиоперехвата, которая у нас

⁶² Ныне Синцзян-Уйгурский автономный округ Китая.

⁶³ Герой Советского Союза. В годы ВОВ командир отряда в ОМСБОН НКВД.

⁶⁴ Самозарядная винтовка Токарева.

с сорок второго года была. Чтобы не вышло, как в Красной армии.

– Ты о чем? Напомни...

– Немцы перед войной здорово обогнали нас в радиосвязи. И англичан с американцами тоже. У них вся тактическая радиосвязь была на ультракоротких волнах, в истребительной авиации и на флоте тоже. У нас до войны таких радиостанций даже в глаза не видели. Поэтому немцы в сорок первом и сорок втором в тактическом звене вели радиопереговоры открытым текстом. К нашей радиоразведке относились с пренебрежением. Кстати, у армейских осназовцев УКВ-аппаратура так до конца войны и не появилась. Но ребята делали, что могли. Снимали радиостанции со сбитых немецких истребителей и танков подбитых. Ремонтировали и работали.

– А у нас что с этим тогда было? – с интересом спросил Эйтингтон.

– У нас все проще. Лаврентий Палыч в сорок первом дал команду кому надо. Попробуй не выполни. Уже летом сорок второго, когда мы на Кавказ улетали, у нас были УКВ-приемники и пеленгаторы. А с сорок третьего почти в каждом отряде, десантируемом в немецкий тыл, была такая аппаратура. Но, к сожалению, где работали наши, немцы уже открытым текстом не болтали. Кроме УКВ, и коротковолновые приемники нужны. Что еще? Естественно, альпинистское снаряжение, ведь в Корее везде горы.

– Все будет. Обещаю. – Наум Исаакович подошел ко мне и коротко обнял. – Ну, с Богом, Витя.

* * *

Из моих спутников никто не отказался ехать на войну. К вечеру автобус привез нас к окраине одного из подмосковных поселков. Там находилась воинская часть, окруженная длинным высоким забором. Часть эта была учебным центром одного из управлений Генштаба. Учебные корпуса, общежития, казармы и спортивный городок были вписаны в растущий за поселком еловый лес. Воздух здесь был всегда свеж и изумительно чист. Нашу «корейскую» группу поселили в длинной низкой казарме. Уже потом мы узнали, что здесь когда-то была конюшня. Тем не менее в казарме было тепло. Кроме того, была горячая вода и душ.

Спали на двухъярусных койках. Я сразу занял место наверху. Там всегда теплее. Питались в столовой батальона обеспечения, куда ходили строем. Водил нас самый старший по званию – капитан третьего ранга. Здесь я встретил Федора Кирилова⁶⁵. В сорок третьем, когда он служил в РОН, мы вместе работали на Ладого.

Пока нас было двадцать восемь человек. Причем не толь-

⁶⁵ Федор Петрович Кирилов – участник финской кампании. В годы ВОВ командир взвода РОН. В 1950 г. награжден орденом Красной Звезды, в 1955 г. – орденом Красного Знамени. Уволен в запас в 1960 г. в звании майора.

ко офицеры. Среди нас было несколько мичманов, старшин и сержантов. Кое-кто был призван из запаса. Выделялся своей бесшабашностью старшина первой статьи Семен Агафонов. Потом от ребят с Северного флота я узнал, что в ноябре сорок первого он вполне мог попасть в штрафную роту. Тогда его спасло то, что штрафные роты и батальоны появились только летом сорок второго. Но с подводной лодки, где он служил коком, его списали со скандалом. Тогда за него поручился перед начальником разведотдела капитан Лебедев, командир флотского отряда разведчиков. И не зря. Еще знаю, что Семен был лучшим рукопашником отряда. Кстати, потом я убедился, что в минуты опасности Семен становится совершенно спокойным и хладнокровным.

На следующий день, в понедельник, пошли занятия. Утро начиналось с зарядки. Около пяти километров мы пробежали по тропинкам между деревьями. Потом на спортгородок. Там в темпе на руках проходили изогнутый рукоход и длинные брусья. После заправки кроватей умывались, приводили себя в порядок и строем шли на завтрак. Мы вспоминали морзянку в радиоклассе. Передавали ключом и принимали на слух. Передавали и фонарем. Изучали новый портативный приемопередатчик. Растягивали антенны. Кодировали и декодировали радиограммы по шифроблокнотам.

После обеда все то же самое. Еще час физподготовки, потом ужин.

Через неделю начались занятия по изучению иностран-

ных армий, нашего, уже не только вероятного, противника. Эту дисциплину нам преподавал невысокий худощавый подполковник лет сорока. На нем была черная морская форма. На погонах – красные просветы офицера береговой службы. Было понятно, то, о чем он рассказывает, он прекрасно знает изнутри.

– Официально Вооруженные силы США состоят из трех компонентов. Это армия, ВВС и ВМС. Каждая из этих структур управляется своим министерством. Друг друга они не очень жалуют. Сейчас у моряков появилась поговорка: русские – это противник, а настоящий враг – это армейцы. – Подполковник улыбнулся. – Кроме ВМС, существует еще Береговая охрана. Это отдельная силовая структура.

Мы начнем с Корпуса морской пехоты. Фактически это тоже отдельный вид Вооруженных сил. Вам предстоит работать в основном на морском побережье, поэтому это будет ваш основной противник.

Подполковник замолк, на мгновенье задумавшись.

– Кроме того, вам нужно знать, как думает наш враг, его образ мышления. Для этого коснемся военной истории. Записывать это необязательно, но желательно знать.

Мы положили свои перьевые ручки. Я отодвинул чернильницу-непроливашку.

– В английском флоте, когда Америки еще не было, подразделения морской пехоты появились в семнадцатом веке. Это были корабельные команды из солдат пехотного полка

герцога Йоркского. Как вы думаете, какая задача была тогда для них основной? – обратился преподаватель к сидящему за второй партой капитану в форме морской авиации.

Тот поднялся и ответил без запинки, как будто ожидал этот вопрос:

– Высадка в первой волне морского десанта и ведение абордажного боя.

– Я тоже так когда-то думал, – улыбнулся подполковник. – Садитесь, товарищ капитан. Основная задача «Маринес» в красных мундирах на кораблях королевского флота – это подавление возможного бунта экипажа. В английском флоте это была не редкость. Кто-то после удачного бунта пиратствовать начинал. Кто-то, как экипаж «Баунти»,⁶⁶ просто селился на острове подальше от родины. Для простого английского матроса служба была хуже каторги. Звериный лик капитализма, это про Англию было сказано, – усмехнулся преподаватель. – Это на нашем флоте корабельные команды стрельцов предназначались именно для того, что нам сказал товарищ капитан. Только это было не в семнадцатом веке, а на сто лет раньше⁶⁷. Да-да, товарищи, первая русская эс-

⁶⁶ В XVIII веке во главе с офицерами взбунтовался экипаж фрегата «Баунти». Моряки не выдержали постоянных издевательств и изуверских физических наказаний со стороны капитана. Сейчас потомки английских моряков и полинезийских женщин проживают на острове Питкерн в тропической части Тихого океана.

⁶⁷ К сожалению, об этих событиях написана всего одна книга – «Корсары Ивана Грозного».

кадра вовсе не при Петре Первом на Балтике появилась, – сказал подполковник, заметив у нас на лицах недоумение. – Это было во время Ливонской войны за балтийское побережье. Царю Ивану Грозному тогда это не удалось – против нас выступила почти вся Европа. Как и сейчас, да и во все века тоже.

Так вот, в американской морской пехоте основной моральный принцип – солдат должен идти в бой не потому, что этого требует долг или велит совесть, а потому, что так приказал сержант⁶⁸. Для задач, которые они выполняют, это в самый раз.

С момента своего создания в 1775 году и до Первой мировой войны морская пехота США вела только колониальные войны с заведомо слабым противником. Филиппины, Китай, страны Латинской Америки – везде совершались военные преступления. Но сейчас, после Второй мировой войны, Америка претендует на мировое господство. А с учетом их геополитического положения... Сейчас это части для первого броска.

Преподаватель замолчал, собираясь с мыслями.

– К концу Второй мировой войны в морской пехоте США служили 486 тысяч человек. Корпус морской пехоты включает в себя все рода войск. Например, в авиации морской пехоты в 1945 году было 145 эскадрилий, входивших в 32 авиагруппы. Авиагруппа – это по-нашему полк, – пояснил

⁶⁸ Слова коменданта Корпуса морской пехоты США генерала Батлера.

подполковник. – Теперь, что касается наших с вами коллег. Берите ручки, товарищи. Еще до участия в большой войне в Штатах началось создание разведывательно-диверсионных формирований. Именно в составе Корпуса морской пехоты. Кстати, пойдя история несколько по-другому, Америка воевала бы на стороне Гитлера. Они же его финансировали и во многом поддерживали немецкую промышленность.

Подполковник достал из шкафа и повесил большой плакат. На нем цветными красками были изображены два десантника-парашютиста. Четко была нарисована их экипировка и вооружение.

Один десантник на рисунке был одет в камуфляжный прыжковый комбинезон. Другой – в такую же форму защитного цвета. Форма такая же, как у немецких парашютистов времен войны. Нижний край куртки застегивался между ног и переходил в шорты. Немцы называли этот комбез кнохензак – мешок для костей. Обуты оба в высокие прыжковые ботинки коричневого цвета. На голове у одного камуфлированная каска, у другого – летный кожаный шлем. У каждого есть основной и запасной парашюты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.